

Д. ЛУКАЧ

**Ленин.
Исследовательский очерк
о взаимосвязи его идей**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следующие ниже заметки ни на одну минуту не претендуют на то, чтобы исчерпывающе рассмотреть в каком бы то ни было смысле теорию и практику Ленина. Они представляют собой попытку хотя бы в самом приблизительном виде показать взаимосвязь его теории и практики, ибо нам кажется, что именно эта взаимосвязь осознается недостаточно ясно, в том числе даже многими коммунистами. Для того чтобы по-настоящему рассмотреть все эти проблемы, потребовался бы совершенно иной объем работы, нежели эти немногочисленные страницы; больше того, мы отнюдь не располагаем — особенно те, кому русская литература доступна лишь в переводах, — достаточно полным материалом, чтобы по-настоящему отобразить дело жизни Ленина.

История Ленина требует в качестве своих временных рамок по меньшей мере историю трех-четырех последних десятилетий. Мы надеемся, что ее достойное отображение не заставит себя слишком долго ждать. Автор этих ориентировочных заметок самым осязаемым образом чувствует по себе, насколько тяжело рассматривать отдельные проблемы до того, как выяснено целое, к которому они относятся; популяризировать то, что подлежит популяризации, до того, как оно безупречно изложено научным способом. Вот почему мы даже и не пытались здесь представить проблемы, которыми была заполнена жизнь Ленина, во всей их полноте в соответствии с исторически точной последова-

тельностью их появления. Выбор этих проблем, их разбор и последовательность их изложения определялись только одним — как можно яснее выявить *взаимосвязь* этих проблем. Само собой разумеется, что выбор цитат также определялся этой задачей, а не требованием хронологической точности.

Вена, февраль 1924 года

1

Актуальность революции

Исторический материализм является теорией пролетарской революции. Он является таковым, поскольку его сущность состоит в концентрированном идейном выражении того общественного бытия, которое производится пролетариатом и которое определяет все его бытие; он является таковым, поскольку борющийся за освобождение пролетариат обретает в нем свое ясное самосознание. Поэтому величие того или иного пролетарского мыслителя, представителя исторического материализма, измеряется глубиной и шириной, с которой его взгляд охватывает эти проблемы. И кроме того — интенсивностью, с которой он в состоянии разглядеть за явлениями буржуазного общества те тенденции, ведущие к пролетарской революции, которые, пробивая себе дорогу в этих явлениях и сквозь них, обеспечивают действительное бытие и ясное сознание пролетариата.

Если следовать этим критериям, Ленин — величайший мыслитель, которого революционное рабочее движение выдвигало со времен Маркса. Мы знаем, что говорят оппортунисты, будучи уже не в силах ни замолчать, ни заболтать сам факт всемирного значения Ленина. Ленин, заявляют они, был крупным русским политиком. И как вождю мирового пролетариата ему недостает-де понимания различия между Россией и странами более развитого капитализма; он-де теоретически распространил до уровня всеобщих закономерностей и приложил ко всему миру вопросы и реше-

ния российской действительности — а здесь-то и пролегает его граница в историческом измерении.

Они забывают (что, разумеется, вполне может быть забыто сегодня) о том, что точно такой же упрек предьявлялся в свое время и Марксу. Тогда говорили: Маркс некритически выразил свои наблюдения, основанные на экономической жизни Англии, на английской фабрике, как общие законы социального развития вообще. Эти наблюдения, возможно, совершенно правильны сами по себе, но, будучи возведены в общие законы, они именно поэтому становятся ложными. Сегодня уже нет необходимости обстоятельно опровергать это заблуждение и доказывать, что Маркс вовсе не «обобщил» какие-то отдельные случаи, имеющие смысл, ограниченный во времени и пространстве. Напротив, действуя как истинный исторический и политический гений, он и теоретически, и исторически разглядел в микрокосме английской фабрики, в ее социальных предпосылках, условиях и следствиях, в исторических тенденциях, ведущих к ее возникновению, равно как в тенденциях, ставящих под вопрос ее существование, не что иное, как макрокосм капитализма в целом.

Ибо это и отличает как раз гения от обычного рутинера в науке или политике. Рутинер может лишь понять и различить непосредственно данные, отделенные друг от друга, моменты целостной картины общественных событий. А когда он пытается подняться до общих заключений, он и здесь не делает фактически ничего иного, толкуя (действительно абстрактным образом) те или иные стороны ограниченных во времени и пространстве явлений как «общие законы» и применяет их как таковые. В противоположность этому гений, которому стала ясна подлинная сущность, действительная, жизненно действенная главная тенденция эпохи, видит, как за всеми событиями его времени действует именно эта тенденция, и рассматривает коренные, решающие вопросы этой эпохи в целом даже тогда, когда сам он считает, что говорит лишь о повседневных вопросах.

Сегодня мы знаем, что в этом и заключалось величие Маркса. В структуре английской фабрики он отобрал и разъяс-

нил все решающие тенденции современного капитализма. Он всегда держал перед глазами целостную картину капиталистического развития и потому в каждом из его явлений мог разглядеть в то же время его целостность, а в строении его — одновременно динамику его движения.

Но сегодня лишь немногие знают о том, что Ленин сделал в отношении нашей эпохи то же, что сделал Маркс в отношении развития капитализма в целом. Он неизменно видел в проблемах развития современной России (от вопросов возникновения капитализма в условиях полуфеодального абсолютизма до проблем претворения в жизнь социализма в отсталой крестьянской стране) проблемы всей (современной ему) эпохи, а именно *вступление капитализма в его последнюю фазу и возможность обратить в пользу пролетариата, на дело спасения человечества ставшую неизбежной на этой стадии решающую борьбу между буржуазией и пролетариатом.*

Подобно Марксу, Ленин никогда не обобщал ограниченный в пространстве или времени локально российский опыт. Напротив, взглядом гения он распознал коренную проблему нашей эпохи там и тогда, где и когда она впервые обнаружила свою действенность, — проблему надвигающейся революции. И уже вслед за тем он понимал и делал понятными все явления, будь то российские или интернациональные, исходя из этой перспективы, из перспективы актуальности революции.

Актуальность революции — вот коренная идея Ленина и одновременно тот пункт, который решающим образом связывает его с Марксом. Ибо даже в теоретическом плане исторический материализм, как понятийное выражение освободительной борьбы пролетариата, мог быть осознан и сформулирован только в тот исторический момент, когда его практическая актуальность уже была поставлена на повестку дня истории. В тот момент, когда в нищете пролетариата стала явственно различима, говоря словами Маркса, не только нищета, но та ее революционная сторона, «которая и ниспровергнет старое общество». Конечно, и в этом случае

был необходим бесстрашный взгляд гения, чтобы суметь увидеть актуальность пролетарской революции. Ибо человеку заурядному пролетарская революция видна лишь тогда, когда массы рабочих уже сражаются на баррикадах. И даже тогда еще не видна, если эти заурядные люди получили вдобавок кое-какое вульгарно-марксистское образование. Поэтому в глазах вульгарных марксистов основы буржуазного общества настолько несокрушимо прочны, что даже в моменты его очевиднейшего потрясения они вожделяют лишь возвращения его «нормального» состояния, в кризисах его усматривают не более как преходящие эпизоды и саму борьбу, развертывающуюся в такие периоды, считают безрассудным самопожертвованием легковых, дерзнувших пойти против все еще непобедимого капитализма. Борцы на баррикадах представляются им безумцами; остановленный натиск революции кажется им «ошибкой», а строители социализма, одержавшие победу в революции (что в глазах оппортунистов не может быть ничем иным, кроме как преходящим эпизодом), — даже преступниками.

Таким образом, исторический материализм — уже как теория — имеет в качестве своей предпосылки всемирно-историческую актуальность пролетарской революции. В этом смысле она составляет, как объективная основа целой эпохи и одновременно как исходный пункт ее понимания, ядро марксистского учения. И все же, несмотря на это ограничение, выражающееся в решительном отвержении всякого рода беспочвенных иллюзий, в суровом осуждении всякого рода попыток путчистского толка, оппортунистическая трактовка марксизма продолжает цепляться за так называемые ошибки в предвидениях Маркса по сугубо частным вопросам, чтобы с помощью этого обходного маневра целиком и полностью упразднить революцию, вычеркнув ее из цельной конструкции марксистского учения. И «ортодоксальные» защитники Маркса встречаются здесь на середине пути с его «критиками»: Каутский заявляет, к примеру, Бернштейну, что решение о диктатуре пролетариата можно спокойно предоставить будущему (разумеется, весьма отдаленному будущему).

Ленин *восстановил чистоту марксистского учения* в этом вопросе. В то же время как раз здесь он сформулировал его еще яснее и конкретнее. И вовсе не в том смысле, что он как-либо пытался улучшить Маркса. Его вклад состоял в том, что он включил в это учение итоги поступательного движения исторического процесса со времени смерти Маркса. А это означает, что отныне актуальность пролетарской революции не только простирается перед борющимся за свое освобождение рабочим классом как всемирно-исторический горизонт; это означает, что *революция уже стала вопросом сегодняшнего дня рабочего движения*. Упрек в бланкизме и тому подобных вещах, которого стоила Ленину эта его коренная установка, он выдержал совершенно спокойно. И не только благодаря тому, что он не был здесь одинок, разделяя этот упрек с Марксом (с «известными сторонами» Маркса), но и потому, что в этом достойном уважения обществе он оказался отнюдь не незаслуженно. С одной стороны, ни Маркс, ни Ленин никогда не представляли себе актуальность пролетарской революции и ее конечные цели таким образом, будто теперь их можно произвольно осуществить в любой произвольно выбранный момент. С другой стороны, именно актуальность революции служила для них обоих единственно надежным критерием правильности решения любого повседневного вопроса. Актуальность революции определяет основную тональность целой эпохи. Только соотношение тех или иных отдельных действий с данным центром, который может быть найден лишь на основе точного анализа общественно-исторического целого, делает эти отдельные действия революционными либо контрреволюционными. Актуальность революции означает тем самым, что каждый отдельный текущий вопрос нужно решать, исходя из конкретной взаимосвязи общественно-исторического целого; что эти вопросы нужно рассматривать как моменты процесса освобождения пролетариата. Дальнейшее развитие марксизма, достигнутое таким образом Лениным, состоит не в чем ином — не в чем ином! — как в более органичном, более явственном и более обязывающем соединении от-

дельных действий с общей судьбой, с революционной судьбой всего рабочего класса; оно означает, что каждый текущий вопрос — уже в качестве текущего вопроса — становится одновременно коренной проблемой революции.

Развитие капитализма сделало пролетарскую революцию текущим вопросом. Ленин не был единственным, кто увидел приближение этой революции. Однако Ленина отличают не только мужество, беззаветность и способность к самопожертвованию в сравнении с теми, кто теоретически провозгласил пролетарскую революцию актуальной и трусливо увильнул, когда она стала практически актуальной, но и одновременно теоретическая ясность, которой не было даже у самых лучших, самых дальновидных и самых беззаветных революционеров среди его современников. Ибо даже они признавали актуальность пролетарской революции только в том смысле, в каком ее можно было признать для нашего времени еще во времена Маркса, — как коренную проблему целой эпохи. Но они так и не смогли сделать это правильное понимание (вытекавшее из всемирно-исторической перспективы, но только лишь из всемирно-исторической) надежным ориентиром во всех текущих вопросах — политических и экономических, теоретических и тактических, агитационных и организационных. Ленин был единственным, кто совершил этот шаг по пути конкретизации марксизма, приобретшего отныне совершенно практический характер. Вот почему он является единственным по настоящее время теоретиком, выдвинутым освободительной борьбой пролетариата, такого же всемирно-исторического масштаба, как Маркс.

2

Пролетариат как ведущий класс

Невыносимость российских условий выявилась задолго до того, как здесь началось действительное развитие капитализма, задолго до того, как сформировался промышленный пролетариат. Еще намного раньше этого распад аграрного феодализма и разложение бюрократического абсолютизма

стали не только бесспорными фактами русской действительности, но и создавали (выражаясь в крестьянских волнениях и в революционизировании разночинной интеллигенции) такие общественные слои, которые время от времени поднимались против царизма, хотя эти выступления и носили еще неясный, беспорядочный и исключительно стихийный характер. Вполне понятно, что развитие капитализма, даже если сам факт его, как и его смысл, мог оставаться неясным и для самых проникательных, резко усиливало этот процесс распада и его революционно-идеологические последствия. Во второй половине XIX столетия становилось все более очевидным, что Россия, которая еще в 1848 году служила надежным оплотом европейской реакции, постепенно двигалась навстречу революции. Вопрос заключался лишь в том, какой характер будет носить эта революция. И далее в тесной связи с этим: какой класс призван сыграть в ней решающую роль?

Нет необходимости разъяснять, что первые поколения революционеров еще крайне неясно ставили перед собой этот вопрос. В тех группах, которые поднимались против царизма, они видели прежде всего нечто единое — народ. Разделение на работников умственного и физического труда, хотя оно и не могло оставаться незамеченным и на этой стадии, не имело, однако, решающего веса, ибо понятие «народ» имело с классовой точки зрения еще очень нечеткую физиономию и из среды интеллигенции к движению примкнули пока еще лишь действительно честные революционеры, которые колебимо стояли на том, что нужно идти в народ и служить только его интересам.

При всех особенностях революционного движения в этот период на ход событий и соответственно на историческую перспективу, исходя из которой революционеры оценивали события, не могло не оказывать своего влияния развитие Европы. И здесь с неизбежностью возникал вопрос: является ли европейское развитие, развитие капитализма, неотвратимой судьбой и для России? Должна ли и Россия пройти через ад капитализма, чтобы найти в социализме свое спасение? Или же она сможет вследствие своеобразия

своих условий, вследствие того, в частности, что еще сохраняется сельская община, перескочить через эту стадию развития и найти прямой путь от первобытного коммунизма к коммунизму развитому?

Ответ на этот вопрос вовсе не был тогда настолько сам собой разумеющимся, как он представляется нам сегодня. Даже Энгельс, отвечая на него, писал еще в 1882 году, что, если русская революция одновременно вызовет европейскую пролетарскую революцию, «современная русская общинная собственность на землю сможет явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Здесь не место даже в общих чертах обрисовывать историю теоретической борьбы, шедшей вокруг этого вопроса. Мы должны лишь взять эту проблему в качестве нашего исходного пункта, потому что в связи с ней Россией был поставлен вопрос о том, какой класс станет ведущим в грядущей революции. Ибо совершенно очевидно, что признание сельской общины в качестве исходного пункта и экономической основы революции неизбежно делало крестьян ведущим классом общественного переворота. И в соответствии с этой отличной от Европы экономической и социальной базой революция была бы вынуждена искать в качестве своего теоретического обоснования нечто отличное от исторического материализма, представляющего собой не что иное, как понятийное выражение неизбежного перехода от капитализма к социализму, который общество совершает под руководством рабочего класса. Спор относительно того, должна ли Россия пойти по пути капиталистического развития или же капитализм неспособен развиваться в России; далее, разногласие научно-методического характера — является ли исторический материализм общезначимой теорией общественного развития; и, наконец, дискуссия вокруг вопроса о том, какой общественный класс призван стать действительной движущей силой русской революции, — все это вращалось вокруг одного и того же вопроса, все это были идеологические формы выражения процесса развития русского пролетариата, то есть те или иные моменты процесса становления его идеологической (и соответственно

тактической, организационной и т.д.) самостоятельности по отношению к другим общественным классам.

Это был длительный и болезненный процесс, который приходится переживать каждому рабочему движению. Специфически русскими здесь были только отдельные проблемы, на которых сказались своеобразие классового положения и самостоятельность классовых интересов пролетариата. (В Германии рабочий класс находился на этой стадии в период Лассалья — Бебеля — Швайцера¹, и единство Германии являлось при этом одним из решающих вопросов.) Однако именно эти специфические, локальные проблемы должны *как таковые* найти свое правильное разрешение, если речь идет о том, чтобы пролетариат добился самостоятельности своих классовых действий. Самая лучшая теоретическая выучка, если она застревает на уровне всеобщих истин, не принесет здесь решительно никакой пользы. Для того чтобы стать практически действенной, она должна найти свое выражение в решении именно этих специфических проблем. (Так, например, пламенный интернационалист Вильгельм Либкнехт², непосредственный ученик Маркса, находил правильное решение подобных частных вопросов не чаще и не вернее, чем куда более путаные в чисто теоретическом отношении лассальянцы.) То, что является специфически русским в этой ситуации, состоит в следующем: эта теоретическая борьба за самостоятельность пролетариата, за осознание его ведущей роли в грядущей революции нигде не находила такого ясного и однозначного решения, как именно в России. Благодаря этому русский пролетариат смог избежать, в большей их части, те колебания и отступления (не в конкретных итогах классовой борьбы, где они неизбежны, а в теоретической ясности и тактически-организационной правильности рабочего движения), которые мы наблюдаем во всех без исключения развитых странах. Он смог, по крайней мере его наиболее сознательный слой, развиваться в теоретическом и организационном отношении настолько прямо и четко, насколько было развито движимое экономическими силами российского капитализма его объективное классовое положение.

Ленин был не первым, кто вступил в эту борьбу. Но он был и остался единственным, кто радикально продумал до конца всю совокупность этих вопросов, единственным, кто радикально претворил в практику свое теоретическое понимание.

Ленин был лишь одним из теоретиков, вступивших в полемику против «первородного» русского социализма, против народников. Это и понятно. Теоретическая борьба, которую он вел, имела своей целью указать пролетариату его самостоятельную, ведущую роль в грядущих судьбах России. Но поскольку пути и средства этой дискуссии ограничивались лишь тем, чтобы указать, что начертанный Марксом типичный путь развития капитализма (первоначальное накопление) относится и к России; что в России может возникнуть и неизбежно возникнет жизнеспособный капитализм, постольку эти дебаты должны были свести — на какое-то время — в один лагерь сторонников классовой борьбы пролетариата и идеологов возникающего российского капитализма. Теоретическое высвобождение пролетариата из каши «народа» отнюдь не давало еще само по себе понимания и признания его самостоятельности и его ведущей роли. Напротив. Простейшим, недialeктически-механическим следствием того понимания, что тенденции развития российской экономической жизни ведут в направлении к капитализму, представляется безоговорочное признание этой реальности и даже содействие тому, чтобы она наступила как можно скорее. И не только для прогрессивной буржуазии, чья «марксистская» — на короткий срок — идеология станет понятной, если учесть, что марксизм — это единственная экономическая теория, которая указывает на неизбежность генезиса капитализма из процесса распада докапиталистического мира. Подобный вывод может показаться по меньшей мере столь же убедительным и для «пролетарских» марксистов, если они понимают марксизм механистически, а не диалектически. Если они не понимают того, что признание того или иного факта или тенденции как действительно существующих еще вовсе не означает, что они должны быть признаны как *действительность, определяющая наши действия* (Маркс научился этому у Гегеля)³

и, освободив эту мысль от всяческой мифологии и всяческого идеализма, включил ее в свою теорию). Если они не понимают того, что для настоящего марксиста (хотя, разумеется, священный долг каждого настоящего марксиста бесстрашно и без всяких иллюзий смотреть в глаза фактам) всегда существует нечто более действительное и более важное, чем *отдельные* факты или тенденции, а именно *действительность совокупного процесса*, целостность общественного развития. Вот почему Ленин писал: «Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не “требуем” такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но *как* боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!»

Вот где исходный пункт ленинского решения всего этого комплекса вопросов. И из него следует, что признание неизбежности капиталистического развития в России, признание общественного прогресса, заложенного в этом развитии, никоим образом не означает, будто пролетариат тоже должен поддерживать это развитие. Он будет приветствовать его, поскольку только это развитие создает почву для возникновения пролетариата как решающего фактора силы. Но он будет его приветствовать как условие, как *предпосылку своей собственной непримиримой борьбы* против действительного носителя этого развития — против буржуазии.

Только такое диалектическое понимание неизбежности исторических тенденций развития создает теоретический плацдарм для самостоятельного выступления пролетариата в классовой борьбе. Ибо простое согласие с неизбежностью капиталистического развития России, как это делали идеологические предтечи русской буржуазии, а позднее меньшевики, означает, что Россия должна прежде всего завершить свое капиталистическое развитие. Носителем этого развития является буржуазия. Стало быть, только после того,

как это развитие продвинется очень далеко, только после того, как буржуазия экономически и политически устранил пережитки феодализма и на их месте создаст современную капиталистическую, демократическую и тому подобную страну, — только тогда может начаться самостоятельная классовая борьба пролетариата. Преждевременное выступление пролетариата с собственными классовыми целями было бы не только бесполезно, ибо пролетариат как самостоятельный фактор силы едва ли идет в расчет в этой борьбе между буржуазией и царизмом, но и оказалось бы роковым для пролетариата. Потому что это напугало бы буржуазию, ослабило силу ее удара по царизму и прямоком отдало бы ее в руки царизму. Пролетариат идет в расчет, таким образом, — первоначально — только как вспомогательный отряд прогрессивной буржуазии в борьбе за современную Россию.

Совершенно очевидно, — даже если в дискуссиях, которые шли тогда, это и не уточнялось в полной мере, — что в основе всех этих разногласий лежал вопрос об актуальности революции. Совершенно очевидно, что участники этой полемики (имея в виду тех, которые не были более или менее сознательными идеологами буржуазии) расходились в том, рассматривать ли революцию как актуальную проблему, как текущий вопрос рабочего движения или же как отдаленную «конечную цель», которая не может оказать сколько-нибудь определенного влияния на решение данного момента. Конечно, остается более чем сомнительным, могла ли вообще оказаться приемлемой для пролетариата меньшевистская точка зрения, даже если бы была признана правильность исходящей из нее исторической перспективы. Более чем сомнительно, потому что столь явная покорность по отношению к буржуазии так сильно затемнила бы классовое сознание пролетариата, что освобождение от нее, самостоятельные действия пролетариата были бы идеологически невозможны или по меньшей мере крайне затруднены даже в тот исторический момент, который сама меньшевистская теория сочла бы подходящим для таких действий. (Достаточно вспомнить здесь об английском рабочем движении.) Разумеется,

подобное предположение не имеет практического смысла. Ибо диалектика истории, которую оппортунисты пытаются убрать из марксизма, продолжает действовать, хотя и против их воли, по отношению к ним самим: она приводит их в лагерь буржуазии, а момент самостоятельного выступления пролетариата откладывается ими в туманную даль будущего, которое никогда не должно наступить.

История подтвердила правоту Ленина и тех, кто вместе с ним исходил из признания актуальности революции. Союз с прогрессивной буржуазией, обернувшийся иллюзией уже во времена борьбы за единство Германии, мог бы продержаться только в том случае, если бы классовые интересы пролетариата позволили ему следовать за буржуазией вплоть до заключения ею союза с царизмом. Ибо из актуальности пролетарской революции следует тот вывод, что буржуазия перестала быть революционным классом. Само собой разумеется, что экономический процесс, носителем которого осталась буржуазия и плодами которого она продолжает пользоваться, означает прогресс по сравнению с абсолютизмом и феодализмом. Но и этот прогрессивный характер буржуазии проявился опять-таки диалектически. Это означает, что разорвалась закономерная сама по себе связь экономических условий существования буржуазии и тех требований политической демократии, правового государства и так далее, которые были осуществлены, хотя и частично, лишь в ходе Великой французской революции на развалинах феодального абсолютизма. Все сильнее надвигающаяся пролетарская революция делает, с одной стороны, возможным *союз между буржуазией и феодальным абсолютизмом* на основе обеспечения экономических условий существования и роста буржуазии при сохранении политического господства старых властей. С другой стороны, *идеологически совращенная на это буржуазия оставляет пролетарской революции дело реализации ее прежних революционных требований*. И даже если этот союз между буржуазией и старыми властями еще достаточно проблематичен, поскольку он означает некий компромисс, продиктованный общим страхом перед

еще большим злом, а не классовый союз на основе позитивной общности интересов, один очень важный и новый факт остается бесспорным. Факт, перед которым схематичное и механическое «указание» на «закономерную связь» капиталистического развития и демократии с неизбежностью оборачивается иллюзией.

«Вообще, — говорит Ленин, — политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) *форм* надстройки над капитализмом. И капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются при *всяких* политических формах, подчиняя себе *все* их».

Тот факт, что именно в России буржуазия так быстро переметывалась от кажущейся радикальной оппозиции к поддержке царизма, объясняется главным образом тем, что не «органически» выросший, а насажденный в России капитализм уже с первых шагов обнаружил резко монополистический характер (преобладание крупных предприятий, роль финансового капитала и т.д.). Из этого следует, что буржуазия была здесь более малочисленным и социально более слабым слоем, чем в других странах, где имело место «более органичное» капиталистическое развитие, но в то же время — что на крупных предприятиях материальная основа развития революционного пролетариата закладывалась быстрее, чем это позволяли бы предполагать схематично количественные расчеты темпов развития российского капитализма.

Ну, а если союз с прогрессивной буржуазией обернется иллюзией и доработавшийся до самостоятельности пролетариат уже окончательно порвет с хаотическим понятием «народ», — не окажется ли он как раз в результате этой с трудом завоеванной самостоятельности в безнадежной изоляции и вступит, таким образом, в заведомо бесперспективную борьбу? Этот сам собой напрашивающийся и нередко делавшийся упрек против исторической перспективы, которую указывал Ленин, имел бы реальный смысл, если бы его опровержение аграрной теории народников и понимание закономерного характера разложения аграрно-общинных пережитков

не были бы столь же диалектичными. Диалектика этого процесса (ибо диалектическое понимание всегда есть лишь понятийное выражение реально-диалектического состояния дел) заключается в том, что неизбежность разложения этих форм обозначает вполне определенное направление развития только как процесс разложения, то есть только в отрицательном смысле. А вот куда именно пойдет этот процесс в положительном смысле, никак нельзя установить исходя только из него самого. Это зависит уже от развития общественной среды, от судеб всего исторического целого. Выражаясь конкретнее, экономически неизбежный процесс разложения старых аграрных форм, а именно как помещичьих, так и крестьянских, может пойти по двум путям.

«...Оба эти решения, — по словам Ленина, — по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса».

Один путь означает решительное устранение из жизни крестьян средневековых (и более ранних) пережитков. Другой — Ленин называет его прусским путем — «предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное, мучительное для массы населения приспособление их к капитализму».

Оба пути возможны. И оба по сравнению с существующим положением прогрессивны в экономическом отношении. Но если обе тенденции в равной мере возможны и — в известном смысле — в равной мере прогрессивны, то чем же будет тогда решен вопрос, какая из двух действительно возьмет верх? Ленинский ответ на этот вопрос, как и любой другой, ясен и однозначен: классовой борьбой.

Таким образом, контуры той обстановки, в которой пролетариат призван выступить самостоятельно, как ведущий класс, обрисовываются четче и конкретнее. Ибо *решающей силой* в этой классовой борьбе, указывающей России направление перехода от средневековья к новому времени, *способен быть только пролетариат*. Крестьяне же, не только в силу их ужасающей культурной отсталости, но прежде всего в силу их объективного классового положения, спо-

способны лишь на стихийный протест против их положения, становящегося все более невыносимым. Вследствие их объективного классового положения они останутся колеблющимся слоем, тем классом, судьба которого решается в конечном счете классовой борьбой в городе, судьбой города, крупной промышленности, государственного аппарата и так далее.

Только такая взаимосвязь передавала решение в руки пролетариату. В данный исторический момент его борьба против буржуазии могла бы, возможно, оказаться малоперспективной, если бы буржуазии удалось добиться ликвидации феодализма в аграрном строе России в своем духе. Тот факт, что царизм затрудняет ей выполнение этой задачи, служит главной причиной ее — на какой-то отрезок времени — революционных или по меньшей мере оппозиционных действий. *Но пока этот вопрос остается нерешенным, стихийный взрыв закрепощенных и истощенных миллионов жителей деревни возможен в любую минуту.* Стихийный взрыв, которому только пролетариат может придать единственно верное направление, с тем чтобы это массовое движение привело к действительно выгодному для крестьян результату. Стихийный взрыв, который лишь и способен создать обстановку, где пролетариат может вступить в борьбу против царизма и буржуазии, имея все шансы на победу.

Так в социально-экономической структуре России сложились объективные основы союза между пролетариатом и крестьянством. Их классовые цели были различны. И потому их хаотическая смесь, обозначаемая невнятным народническим понятием «народ», должна была развалиться. Однако эти свои различные классовые цели они могли осуществить только в совместной борьбе. И в ленинской концепции характера русской революции старая идея народников возвращается, таким образом, претерпев свое диалектическое превращение. Невнятное и абстрактное понятие «народ» нужно было устранить, но лишь затем, чтобы из конкретного понимания условий пролетарской революции *могло возникнуть* революционно-дифференцированное понятие «народ», *понятие революционного союза всех угнетенных.* В силу

этой причины партия Ленина с полным правом считает себя наследницей действительно революционных традиций народников. Но поскольку сознание, необходимое для того, чтобы возглавить эту борьбу, а вместе с ним и способность к этому заложены *только в классовом сознании пролетариата*, он может и должен стать ведущим классом общественного переворота в надвигающейся революции.

3

Ведущая партия пролетариата

Историческая задача пролетариата заключается, таким образом, в том, чтобы высвободиться из идеологической общности с другими классами и на основе своеобразия своего классового положения и проистекающей из него самостоятельности своих классовых интересов обрести свое ясное классовое сознание. Только таким образом он становится способен повести всех угнетенных и эксплуатируемых буржуазного общества на совместную борьбу против тех, кто экономически и политически господствует над ними. Объективную основу этой ведущей роли пролетариата составляет его положение в процессе капиталистического производства. Но представлять себе дело так, будто верное классовое сознание пролетариата, обеспечивающее его способность к руководству, может возникнуть постепенно, само собой, без каких-либо трений и зигзагов; *будто идеологически пролетариат может дорасти до своего классово-революционного призвания*, — значило бы механически применять марксизм и, следовательно, впадать в иллюзии, совершенно оторванные от реального хода истории. Полемика, развернувшаяся вокруг бернштейнианской ревизии марксизма, отчетливо показала невозможность экономического вращивания капитализма в социализм. И тем не менее идеологический отпечаток бернштейнианства сохранился и сказывается в мышлении многих честных революционеров Европы; хуже того — он даже не осознается как реальная проблема и как опасность. Не то чтобы лучшие из них вообще отвергали сам

факт существования этой проблемы и ее значение и не видели бы, что к окончательной победе пролетариата ведет долгий путь, проходящий через множество поражений, что при этом неизбежны не только материальные, но и идеологические отступления по сравнению с той или иной уже достигнутой стадией. Они знали: если воспользоваться формулировкой Розы Люксембург⁴, что пролетарская революция уже никак не может наступить «преждевременно» с точки зрения ее общественных предпосылок, она непременно будет воспринята как «преждевременная» с точки зрения удержания власти (то есть идеологически). Но если даже при этой исторической перспективе пути пролетариата к его освобождению выдвигается мнение, будто стихийно-революционного самовоспитания пролетарских масс (путем массовых действий и их собственного опыта), подкрепленного теоретически правильной агитацией, пропагандой и тому подобным со стороны партии, достаточно, чтобы гарантировать в этом деле необходимое развитие, то это все равно означает остаться на точке зрения идеологического самоврастания пролетариата в его революционную миссию.

Ленин был первым — и в течение долгого времени единственным — выдающимся руководителем и теоретиком, кто подошел к этой проблеме с центральной в теоретическом отношении и потому с практически решающей стороны — со *стороны организации*. Сегодня все уже знают о споре, который шел вокруг § 1 Устава на II съезде РСДРП в 1903 году⁵. Он вращался вокруг вопроса, может ли быть членом партии тот, кто поддерживает ее и работает под ее контролем (как этого хотели меньшевики), или же помимо этого необходимо участие в нелегальных организациях, необходимо посвятить всю свою жизнь партийной работе и полностью подчиниться строго понимаемой партийной дисциплине. Другие организационные вопросы, например, вопрос о централизации, были всего лишь неизбежными фактическими следствиями этой установки.

Эта полемика также может быть понята только исходя из противоборства двух основных воззрений относительно

возможности революции, ее вероятного хода, характера и тому подобного. Хотя в ту пору Ленин был единственным, кто видел все эти взаимосвязи.

Организационный план большевиков вычленял из более или менее хаотической массы всего рабочего класса группу ясно осознающих свои цели, готовых на любое самопожертвование революционеров. Не закладывалась ли тем самым опасность того, что эти «профессиональные революционеры» оторвутся от реальной жизни своего класса и, отделившись от него, выродятся в заговорщическую группу, в секту? Не есть ли этот организационный план всего лишь практическое выражение того «бланкизма», который «проницательные» и «глубокомысленные» ревизионисты сумели отыскать, как они полагали, еще у Маркса? Здесь нет возможности разбирать, насколько неверен этот упрек и по отношению к самому Бланки. Существа же ленинского плана организации он попросту не затрагивает уже потому, что, согласно Ленину, группа профессиональных революционеров ни на одну минуту не ставит перед собой задачи «сделать» революцию или же с помощью самостоятельной мужественной акции увлечь за собой бездеятельную массу, чтобы поставить ее перед свершившимся фактом революции. *Организационная идея Ленина исходит из факта революции, из факта актуальности революции.* Если бы историческое предвидение меньшевиков оказалось верным и если бы мы шли навстречу относительно мирному периоду процветания и постепенного распространения демократии, при котором именно в отсталых странах феодальные пережитки были бы упразднены «народом» и «прогрессивными» классами, тогда группы профессиональных революционеров неизбежно закоснели бы в сектантстве или же превратились не более чем в пропагандистские кружки. Партия как строго централизованная организация наиболее сознательных элементов пролетариата — и только их — *мыслится в качестве инструмента классовой борьбы в революционный период.* «Нельзя, — говорит Ленин, — отделять политическое от организационного», и тот, кто одобряет или отвер-

гает большевистскую партийную организацию независимо от вопроса, живем ли мы в период пролетарской революции, решительно ничего не понял в ее сущности.

Однако возражение может последовать и с прямо противоположной стороны: именно вследствие актуальности революции подобная организация становится излишней. В период затишья революционного движения организационное сплочение профессиональных революционеров может оказаться полезным, но в годы самой революции, когда массы находятся в глубочайшем брожении, когда они в течение недель, даже дней накапливают большой опыт и приобретают большую зрелость, чем за десятилетия, когда по-революционному выступают даже те части класса, которые обычно не втягиваются в движение даже ради самых непосредственных повседневных выгод, — тогда подобная организация бесполезна и бессмысленна, она расходует понапрасну энергию, которая могла бы найти себе должное применение, она сковывает, если она приобретает достаточное влияние, стихийную революционную деятельность масс.

Совершенно очевидно, что это возражение вновь возвращает нас к проблеме идеологического самовоспитания пролетариата. «Манифест Коммунистической партии» с предельной ясностью характеризует отношение революционной партии пролетариата к классу в целом⁶. «Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на деле являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

Другими словами, коммунисты представляют собой *принявшее зримую форму классовое сознание пролетариата*. И вопрос об их организации решается исходя из перспективы того, как пролетариат действительно добивается этого собственного классового сознания и полностью овладевает им. То, что это происходит не само собой, не путем механического самовыражения экономических сил капиталистического производства и не путем органического роста стихийности масс как такового, признает каждый, кто не отрицает с порога революционную функцию партии. Различие между ленинской и иными концепциями партии основывается прежде всего на том, что, с одной стороны, она глубже и последовательнее, чем прочие, учитывает экономическую дифференциацию внутри пролетариата (возникновение рабочей аристократии и т. д.), а с другой стороны, принимает во внимание революционное сотрудничество пролетариата с другими классами в рамках обрисовавшейся новой исторической перспективы. А этим определяется и возросшее значение пролетариата в подготовке революции и руководстве ею и — опять-таки — руководящая функция партии по отношению к рабочему классу.

Возникновение и растущее значение рабочей аристократии настолько важны с этой точки зрения, что постоянно присутствующее — хотя и относительное — расхождение непосредственных повседневных интересов между определенными слоями рабочего класса все время усиливается и по мере этого увеличения становится все более жестким. Капиталистическое развитие, которое поначалу властно нивелирует и объединяет рабочий класс, разделенный по местническим, цеховым и прочим признакам, создает теперь новую дифференциацию. И дело не ограничивается тем, что в результате ее пролетариат уже не противостоит в своей враждебности буржуазии как единое целое. Наряду с этим возникает опасность того, что эти слои смогут оказать отрицательное идеологическое влияние на весь класс, поскольку они, поднявшись в своем жизненном положении до мелкобуржуазного уровня и занимая определенные посты

в партийной и профсоюзной бюрократии, в местных органах власти и тому подобное, несмотря на свою обуржуазившуюся идеологию и недостаточную зрелость пролетарского классового сознания (или как раз вследствие этого), приобретают известное преимущество в формальном образовании, повседневных административных делах и так далее перед остальными пролетарскими слоями. Это означает, что их влияние в организациях пролетариата способствует затемнению классового сознания всех рабочих и толкает их в сторону молчаливого союза с буржуазией.

Теоретическая ясность сама по себе и соответствующая агитация и пропаганда незапятнанных с революционной точки зрения групп не могут справиться с этой опасностью, потому что эти противоречия интересов в течение очень долгого времени не выражаются в очевидной для всех рабочих форме, так что даже их идеологические представители какое-то время и не подозревают о том, что они уже свернули с пути, диктуемого интересами класса в целом. Поэтому подобные различия очень легко могут быть завуалированы и представлены рабочим как «теоретические различия во мнениях», как «тактические различия» и т.п. А революционный инстинкт рабочих, проявляющийся в это время в крупных стихийных действиях масс, недостаточен для того, чтобы суметь сохранить уровень классового сознания, достигнутый неосознанными действиями, как прочное достояние всего класса.

Уже в силу этой причины существует необходимость в организационной самостоятельности полностью сознательных элементов рабочего класса. Таким образом, сам ход этого рассуждения говорит о том, что *ленинская форма организации неразрывно связана с перспективой надвигающейся революции*. Ибо только в этой взаимосвязи любое отклонение от правильного пути рабочего класса может возыметь роковой смысл для определения его судеб; только в этой взаимосвязи решение того или иного текущего вопроса, кажущегося незначительным, может приобрести невероятный по значимости размах для всего класса; только в этой взаимосвязи для пролетариата становится вопросом жизненной важности

возможность ясно видеть, в зримой форме держать перед глазами тот образ мышления и действий, который действительно соответствует его классовому положению.

Но актуальность революции означает вместе с тем, что брожение общества, развал его старой структуры отнюдь не ограничиваются пролетариатом, а охватывают все классы общества. Ведь, согласно Ленину, действительный признак революционной ситуации состоит в том, что «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить по-старому; «революция невозможна без общенационального (затрагивающего как эксплуатируемых, так и эксплуататоров) кризиса». Чем глубже кризис, тем больше перспективы революции. Но чем он глубже, чем более широкие слои общества он охватывает, тем более разнообразные стихийные движения скрещиваются в нем, тем запутаннее и изменчивее становятся отношения между классами, борьба которых определяет в конечном счете исход всего целого, — между буржуазией и пролетариатом. *Для того чтобы победить в этой борьбе, пролетариат должен оказывать содействие каждому течению, которое способствует разложению старого общества, и поддерживать его, должен стремиться включить в революционное движение в целом каждое, пусть даже еще нечеткое, движение того или иного угнетаемого слоя.* В то же время приближение революционного периода проявляется и в том, что все недовольные старым обществом стремятся примкнуть к пролетариату или по крайней мере установить с ним связь. Но здесь-то и может таиться серьезная опасность. Потому что эти постоянно множащиеся в условиях революционной ситуации связи, вместо того чтобы оказать помощь, могут вызвать только смятение, если партия пролетариата не организована таким образом, чтобы гарантировать правильное в классовом отношении направление своей политики. Ибо вполне понятно, что другие угнетенные слои (крестьяне, мелкая буржуазия, интеллигенция) преследуют не совсем те же цели, что и пролетариат. Пролетариат может (если он знает, чего он хочет, чего он должен хотеть в соответствии с классовыми целями) спасти себя и эти общественные слои

от социальной нужды. Но если партия, боевой носитель его классового сознания, не уверена, какими путями должен идти класс, если даже ее пролетарский характер не обеспечен в организационном отношении, то эти слои проникают в партию пролетариата, отклоняют ее от верного пути, и союз с ними, который мог бы служить делу революции при четкой классовой организации пролетарской партии, способен создать для нее величайшую угрозу. В соответствии с этим ленинская идея организации обязательно содержит в себе и противоположный полюс, предусматривая строгий отбор в члены партии с точки зрения пролетарского классового сознания и в то же время — полнейшую солидарность со всеми угнетенными и эксплуатируемыми буржуазного общества и поддержку их. Она диалектически объединяет, таким образом, четкую идейную сомкнутость и универсальность, руководство революцией в строго пролетарском смысле и общенациональный (а также интернациональный) характер революции. Меншевицкая организация ослабляет оба этих полюса, смешивает их, низводит их до компромисса и подобным способом соединяет их *в самой партии*. Она отключается от широких слоев эксплуатируемых (например, от крестьян), но соединяет в партии самые разнообразные группы интересов, препятствующие достижению ею единства мыслей и действий. И подобная партия сама превращается в невнятную смесь различных групп интересов, вместо того чтобы в бурлящей борьбе хаотически сражающихся классов (ибо каждая революционная ситуация выражается как раз в глубоко хаотическом состоянии всего общества) способствовать созданию с необходимой для этого ясностью *решающего для победы фронта — фронта пролетариата против буржуазии*, а также сплочению вокруг пролетариата не обладающих этой ясностью других групп угнетенных. Она становится способной на какие бы то ни было действия только ценой внутренних компромиссов и оказывается в хвосте либо более сознательных, либо стихийно действующих групп или же вынуждена фаталистически созерцать происходящие помимо нее события.

Ленинская идея организации означает, таким образом, *двойной разрыв с механистическим фатализмом* — как с тем, который рассматривает классовое сознание пролетариата как механический продукт его классового положения, так и с тем, который усматривает в самой революции не более как механическое действие фаталистически проявляющихся экономических сил, так сказать, автоматически приводящих пролетариат к победе при достаточной «зрелости» объективных условий революции. Но если для революционной ситуации нужно было бы ждать, пока весь пролетариат, единый и сознательный, вступит в решающий бой, то такой ситуации никогда бы не наступило. С одной стороны, всегда будут существовать (и чем более развит капитализм, тем их будет больше) пролетарские слои, которые бездеятельно созерцают освободительную борьбу их собственного класса и даже переходят во вражеский лагерь. А с другой стороны, поведение самого пролетариата, его решимость и уровень классового сознания отнюдь не вытекают с фатальной неизбежностью из его экономического положения.

Собственно говоря, даже самая крупная и лучшая партия в мире не может «сделать» революцию. Но как реагирует пролетариат на ту или иную ситуацию, в огромной мере зависит от ясности понимания его классовых целей и энергии, которые способна придать ему партия. *Таким образом, в период актуальности революции старая проблема — может ли быть «сделана» революция — приобретает совершенно новый смысл и значение.* А с этими изменениями изменяется и отношение между партией и классом, иное значение для партии и для всего пролетариата приобретают организационные вопросы. В основе старой постановки вопроса о «делании» революции лежит жесткое, недиалектическое расчленение объективной закономерности исторического процесса и активности действующей партии. Всякую мысль о «делании» революции нужно решительно отвести, если она означает, что революция, как по волшебству, появляется из ничего. Но активность партии в революционный период означает нечто коренным образом отличное от этого.

Поскольку революционен основной характер эпохи, постольку острая революционная ситуация может возникнуть в любой момент. Вряд ли вообще возможно точно определить заранее, когда именно и при каких именно обстоятельствах она может наступить, а тем более — те тенденции, которые ведут к ее возникновению, равно как главные линии правильных действий при ее наступлении. Активность партии обусловлена именно таким пониманием истории. *Партия должна подготовить революцию.* Это означает, с одной стороны, что своими действиями (своим влиянием на действия пролетариата и других угнетенных слоев) она должна стремиться способствовать *ускорению* вызревания этих тенденций, ведущих к революции. А с другой стороны, она должна идеологически, тактически, материально и организационно подготовить пролетариат к тем действиям, которые будут необходимы в острой революционной ситуации.

В связи с этим в новой перспективе предстают и внутренние организационные вопросы партии. Как старая (разделявшаяся в том числе Каутским) точка зрения, согласно которой организация представляет собой *предпосылку* революционного действия, так и точка зрения Розы Люксембург, считавшей, что организация — это *продукт* революционного движения масс, выглядят односторонними и недиалектическими. Функция подготовки революции, выполняемая партией, делает из нее в одно и то же время и в равной степени производителя *и* продукт, предпосылку *и* итог революционного движения масс. Ибо осознанная активность партии основывается на ясном понимании объективной закономерности экономического развития, а ее строгая организационная самостоятельность находится в постоянном и плодотворном взаимодействии со стихийными действиями борющихся и страдающих масс. Роза Люксембург очень близко подошла по целому ряду пунктов к пониманию этого взаимодействия. Но то, что она не увидела, — это его *сознательный и активный элемент*. Вот почему она так и не поняла то, что составляет пружину в ленинской концепции партии, — выполняемую партией функцию подготовки революции, а следствием

этого было самое грубое непонимание всех вытекающих отсюда организационных принципов.

Конечно, сама революционная ситуация не может быть продуктом деятельности партии. Задача партии — предвидеть, в каком направлении пойдет развитие объективных, экономических сил и как должен вести себя сообразно возникающим в ходе этого развития ситуациям рабочий класс. Руководствуясь этим предвидением, партия должна духовно, материально и организационно и всяким иным доступным образом подготовить пролетариат к грядущему и к пониманию его, пролетариата, интересов в отношении этого грядущего. События и ситуации, возникающие по ходу этого развития, представляют собой не что иное, как результат экономических сил капиталистического производства, действующих вслепую, с закономерностью естественно-исторического процесса. Однако же и в данном случае — не механистически-фаталистическим образом. Ибо, как мы уже видели на одном примере — на примере экономического разложения аграрного феодализма в России, этот процесс экономического разложения, даже будучи сам по себе неизбежно возникающим продуктом капиталистического развития, порождает такие классовые следствия, такое новое расслоение классов, которые отнюдь не могут быть однозначно объяснены самим этим процессом и поняты исходя только из него (если рассматривать его изолированно). Они зависят от окружения, в котором они будут сказываться, и решающим моментом, который определяет в конечном счете их направление, является судьба всего общества, составные части которого формируют этот процесс. Но решающую роль в этой целостности играют стихийно прорывающиеся или же сознательно направляемые действия класса. И чем большим брожением охвачено общество, чем больше нарушено правильное функционирование его «нормальной» структуры, чем сильнее поколеблено его социально-экономическое равновесие, — другими словами, чем более революционной является ситуация, тем определеннее сказывается эта решающая роль. Из этого следует, что в эпоху капитализма

общественное развитие в целом отнюдь не происходит просто и прямолинейно. Напротив, взаимодействие различных сил в ходе этого развития порождает ситуации, в которых может реализоваться та или иная определенная тенденция, — если ситуация правильно понята и соответственно использована. Но развитие экономических сил, которые, казалось бы, неотвратимо вели именно к этой ситуации, отнюдь не идет так же неотвратимо в прежнем направлении, если ситуация осталась неиспользованной и должные выводы из нее не были сделаны; напротив, оно принимает зачастую прямо противоположное направление. (Достаточно представить себе положение России, если бы большевики не захватили власть в ноябре 1917 года и не довели до конца аграрную революцию. Нельзя целиком исключать то, что в этом случае имело бы место «прусское» решение аграрного вопроса при контрреволюционном, хотя и современно-капиталистическом по сравнению с дореволюционным царизмом, режиме.)

Только тогда, когда понята историческая обстановка, в которой приходится действовать партии, может быть по-настоящему понята ее организация. Она основывается на гигантских, всемирно-исторических задачах, которые ставит перед пролетариатом эпоха заката капитализма; на гигантской, всемирно-исторической ответственности, которую эти задачи возлагают на сознательный руководящий слой пролетариата. Представляя — на основе своего понимания общества в целом — интересы всего пролетариата (и — опосредованно ими — интересы всех угнетенных, будущее всего человечества), партия должна соединить в себе все противоречия, в которых выражаются эти задачи, исходящие из центра общественного целого. Мы уже подчеркивали, что самый строгий отбор членов партии с точки зрения ясности классового сознания и безусловная преданность делу революции должны быть соединены с готовностью и умением целиком, без остатка жить жизнью страдающих и борющихся масс. И при любых усилиях, направленных на то, чтобы выполнить одну сторону этих требований и не выполнять другую, даже группы, состоящие из хороших революционеров,

обречены на то, чтобы кончить сектантским закостенением. (Вот основа борьбы, которую Ленин вел против «левизны», начиная с отзовизма до анархизма и после этого.) Ибо строгость требований по отношению к членам партии есть лишь средство для того, чтобы весь класс пролетариата, а вслед за ним все слои, эксплуатируемые капитализмом, ясно видели и осознали свои подлинные интересы, все то, что действительно лежит в основе их неосознанных действий, их неясного мышления и спутанных ощущений.

Но массы могут учиться только в ходе собственных действий и становиться сознательными только в борьбе за свои интересы. В борьбе, социально-экономическое содержание которой всегда подвижно, и потому в ней *непрерывно меняются условия и средства борьбы*. Руководящая партия пролетариата может выполнить свое назначение только в том случае, если в этой борьбе она *постоянно находится на один шаг впереди борющихся масс*, чтобы быть в состоянии указывать им путь. Но только на *один шаг впереди*, чтобы быть в состоянии оставаться руководителем *их* борьбы. Таким образом, ее теоретическая ясность имеет ценность лишь в том случае, если она не остается на уровне всеобщих истин, то есть чисто теоретической правильности теории, а, напротив, неизменно возвышает теорию в конкретном анализе конкретной ситуации; если теоретическая истинность всегда выражает смысл именно конкретной ситуации. Итак, партия должна, с одной стороны, обладать теоретической ясностью и твердостью, чтобы вопреки всем колебаниям масс, даже идя на риск кратковременной изоляции, оставаться на верном пути. Но, с другой стороны, она должна в то же время быть настолько гибкой и уметь учиться, чтобы в каждом, пусть даже путаном волеизъявлении масс отыскать революционные возможности, которые остались неосознанными самими массами.

Выработать и сохранить вот такую готовность к жизни во всей ее целостности *невозможно без строжайшей дисциплины в партии*. Если партия неспособна мгновенно применять свое понимание ситуации (непрерывно меняющейся ситуации), она остается позади событий, из руководителя

становится ведомым, теряет контакт с массами и дезорганизуется. А отсюда вытекает, что организация постоянно должна функционировать с величайшей строгостью и четкостью, чтобы немедленно, если это понадобится, претворить в жизнь эту готовность к перемене. В то же время, однако, это означает, что требование гибкости непрерывно должно применяться и по отношению к самой организации. Организационная форма, которая была полезна в определенной ситуации для определенных целей, может превратиться в препятствие при изменившихся условиях борьбы.

Ибо в самой сущности истории заложена способность постоянно создавать *новое*. Это новое не может быть заранее рассчитано какой бы то ни было безошибочной теорией; оно должно быть распознано в борьбе, по его первым выявившимся зародышам, и сознательно доведено до понимания. В задачу партии отнюдь не входит навязывать массам некий абстрактно надуманный образ действий. Наоборот, она должна непрерывно учиться, осваивая опыт борьбы и методы борьбы масс. Но и в ходе этой учебы она должна быть активной и деятельной, подготавливая последующие революционные акции. Она должна связывать то, что стихийно, благодаря верному классовому инстинкту, найдено массами, с целостностью революционной борьбы и делать это осознанно, она должна, говоря словами Маркса, разъяснять массам их собственные действия, чтобы таким путем не только сохранить последовательность революционного опыта пролетариата, но и сознательно и активно способствовать его дальнейшему развитию. В целостной картине такого познания и вытекающих из него действий организация должна найти свое место в качестве инструмента. Если она не сделает этого, она может только исказить непонятый ею и потому идущий мимо нее ход событий. Вот почему *всякий догматизм в теории и всякая косность в организации имеют для партии роковой смысл*. Ибо, как говорит Ленин, «*всякая новая форма борьбы, сопряженная с новыми опасностями и жертвами, немедленно «дезорганизует» не готовые к этой новой форме борьбы организации*». Задача партии — в том числе в отношении

самой себя и даже особенно в отношении себя — состоит в том, чтобы свободно и сознательно пройти необходимый путь и переучиться, прежде чем опасность дезорганизации станет действительно острой, и благодаря этому переучиванию воздействовать на массы, переучивая их и способствуя их продвижению вперед.

Ибо тактика и организация составляют две стороны одного неразрывного целого. *Только в них обеих одновременно могут быть достигнуты настоящие результаты.* И, чтобы добиться их, нужно в них обеих быть в одно и то же время последовательным и гибким, оставаться безоговорочно верным принципам и каждый день открытыми глазами смотреть на каждый новый поворот событий. Ни в области тактики, ни в области организации нет ничего, что было бы хорошим или плохим само по себе. Только отношение к целому, к судьбе пролетарской революции делает ту или иную мысль, то или иное мероприятие и тому подобное правильным или ложным. Вот почему, например, после первой русской революции Ленин в равной мере решительно выступал как против тех, кто хотел отказаться от якобы бесполезной и сектантской нелегальной работы, так и против тех, кто, безоговорочно отдаваясь нелегальной работе, не считал нужным использовать легальные возможности; вот почему он в равной мере гневно осуждал безмерное увлечение парламентаризмом и принципиальный антипарламентаризм и т. д.

Мало сказать, что Ленин никогда не был политическим утопистом, он никогда не испытывал никаких иллюзий в отношении человеческого материала своего времени.

«Мы собираемся строить социализм, — говорил он уже в первую героическую пору победоносной пролетарской революции, — с теми людьми, которые были воспитаны капитализмом, испорчены и развращены им, но зато и закалены им же к борьбе».

В гигантских требованиях, которые ленинская идея организации выдвигает перед профессиональными революционерами, нет ничего утопического. И, разумеется, ничего

поверхностно обыденного, никакой фактической заданности, никакого ползучего эмпиризма. Ленинская организация диалектична сама по себе, и не только как продукт диалектического развития истории, но и как ее сознательная движущая сила, то есть *она является одновременно и продуктом и производителем самой себя*. Люди сами делают свою партию, они должны обладать высокой степенью классового сознания и беззаветности, чтобы желать и быть способными участвовать в деятельности организации; но настоящими профессиональными революционерами они становятся только в организации и посредством организации. Якобинец, который связывает себя с революционным классом, благодаря своей решимости, своей способности к действию, своим знаниям и своему энтузиазму придает форму и ясность действиям класса. Но содержание и направление этих действий всегда определяются общественным бытием класса и вырастающим из него классовым сознанием. Деятельность партии не заменяет собой деятельность класса, а составляет вершину действий самого класса. Поэтому партия, которая призвана быть руководителем пролетарской революции, не приступает готовой к выполнению своей руководящей миссии: о ней также можно сказать, что *ее нет, она становится*. И процесс плодотворного взаимодействия между партией и классом воспроизводится (видоизменяясь, конечно) в отношениях между партией и ее членами. Ибо, как говорит Маркс в «Тезисах о Фейербахе», «материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и изменившегося воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать». Ленинская концепция партии означает самый решительный разрыв с механистической и фаталистической вульгаризацией марксизма. Она является практическим осуществлением его подлинного существа, его самой глубокой направленности. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

4

**Империализм:
мировая война и гражданская война**

Но вступили ли мы в период решающих революционных боев? Настало ли время, когда пролетариат, ценой собственного исчезновения как класса, должен выполнить свою миссию преобразования мира? Ибо не подлежит сомнению, что никакая идеологическая или организационная зрелость пролетариата не может обеспечить решения этой задачи, если такая зрелость и решимость к борьбе не являются следствием объективного социально-экономического положения в мире, настоятельно требующего этого решения. И какое-то одно событие, неважно — победа или поражение, может сделать невозможным решение этой проблемы. Если рассматривать это событие отдельно взятым, то даже его фактическое содержание еще ничего не скажет о том, означает ли оно победу или поражение. Только взаимосвязь с целостной картиной общественно-исторического развития обозначает отдельное событие как победу или поражение во всемирно-историческом масштабе.

Вот почему дискуссия, развернувшаяся в среде российской социал-демократии (которая охватывала тогда как меньшевиков, так и большевиков) еще во время первой русской революции и достигшая своего пика после ее поражения, — дискуссия о том, следует ли датировать (европейскую) революцию 1847 (т.е. до ее решающих событий) или же 1848 годом (т.е. после поражения революции), с неизбежностью вышла за рамки русских проблем в узком смысле слова. Разрешить этот спор можно только на основе того, как решается вопрос о коренном характере нашей эпохи. Ответ на более узкий, собственно российский вопрос, является ли революция 1905 года буржуазной или пролетарской и были ли пролетарски-революционные действия рабочих правильными или «ошибочными», также может быть дан только в этой взаимосвязи. Конечно, резкая постановка этого вопроса уже сама по себе

указывает, в каком направлении следует искать ответ. Ибо раскол между правым и левым крылом в рабочем движении все больше начинает принимать и за пределами России форму дискуссии об общем характере эпохи. Дискуссии о том, означают ли известные, все чаще наблюдаемые экономические явления (концентрация капитала, возросшее значение крупных банков, колониализм и т. д.) всего лишь количественный рост показателей «нормального» развития капитализма или же они свидетельствуют о приближении новой эпохи капитализма — империализма; следует ли рассматривать все учащающиеся после относительно мирного периода войны (бурская, испаноамериканская, русско-японская войны и т. п.) как «случайные» и «эпизодические» или же в них можно увидеть первые признаки периода все более насильственных войн. И наконец, если развитие капитализма вступило, таким образом, в новую фазу, достаточны ли прежние методы борьбы пролетариата, чтобы реализовать свои классовые интересы в этих изменившихся условиях? И соответственно являются ли те новые формы классовой борьбы пролетариата, которые возникли перед русской революцией и во время ее (массовая забастовка, вооруженное восстание), событиями чисто местного, специфического значения и, быть может, даже «ошибками» и «заблуждениями», или же в них нужно увидеть первые стихийные, предпринятые по велению верного классового инстинкта попытки масс сообразовать свои действия с положением, сложившимся в мире?

Практический ответ Ленина на взаимосвязанный комплекс этих вопросов известен. Этот ответ яснее всего выражается в том, что едва ли не сразу после поражения русской революции и задолго до того, как смолкли стенания меньшевиков на тот счет, как неправильно было «заходить слишком далеко», Ленин на Штутгартском конгрессе II Интернационала⁷ вступил в борьбу за то, чтобы Интернационал занял ясную и резкую позицию в отношении непосредственно угрожавшей опасности мировой империалистической войны и предпринял попытку повлиять на эту позицию в направлении того, *что должно быть сделано против этой войны.*

Предложение Ленина и Люксембург было принято в Штутгарте и в последующем подтверждено решениями Копенгагенского и Базельского конгрессов⁸. Это значит, что опасность приближающейся мировой империалистической войны и необходимость для пролетариата по-революционному бороться против нее были официально признаны II Интернационалом. Может создаться впечатление, что Ленин и в данном случае был не одинок — так же как и в экономической оценке империализма как новой стадии капитализма. Все левое крыло и даже некоторые центристы и представители правого крыла II Интернационала признавали наличие экономических фактов, лежащих в основе империализма. Гильфердинг попытался разработать экономическую теорию, объясняющую эти новые явления⁹, а Розе Люксембург даже удалось показать весь комплекс экономических вопросов империализма как закономерное следствие капиталистического процесса воспроизводства, то есть органически вписать империализм в марксистскую концепцию истории и представить тем самым конкретно-экономическую основу «теории краха» капитализма. И тем не менее, когда в августе 1914 года — и еще долгое время спустя — Ленин остался совершенно один со своей точкой зрения в отношении мировой войны, это отнюдь не было случайностью. И еще меньше это можно объяснить психологическими или моральными соображениями, тем, что многие, кто раньше так же «правильно» осуждал империализм, теперь из «трусости» поддался колебаниям и т. д. Нет. *Позиции отдельных социалистических течений, занятые ими в августе 1914 года, были прямым фактическим следствием их прежнего теоретического, тактического и т. д. поведения.*

Ленинская концепция империализма представляет собой выдающееся теоретическое достижение, и в то же время — хотя это может показаться парадоксальным — она содержит, если рассматривать ее как чисто экономическую теорию, сравнительно мало такого, что раньше было совершенно неизвестно. В некотором отношении она опирается на работу Гильфердинга и, повторяем, с чисто экономической точки

зрения отнюдь не так подробна, как великолепная разработка марксистской теории воспроизводства, сделанная Розой Люксембург. Превосходство Ленина — и это его теоретический подвиг, не имеющий себе равных, — состоит в том, что он сумел *конкретно связать экономическую теорию империализма со всеми без исключения политическими вопросами современности*, сделать экономику новой фазы капитализма руководящей нитью для всех конкретных действий в этой критически ответственной обстановке. Исходя из этого, он отвергает, например, во время войны некоторые — крайне левые — взгляды польских коммунистов как «империалистический экономизм»; исходя из этого, он разоблачает каутскианскую концепцию «ультраимпериализма» (возлагавшую надежду на то, что капитал мирным путем придет к созданию всемирного треста, и считавшую мировую войну «случайным» и даже «неправильным» отступлением от этого пути), доказывая, что Каутский отрывает экономику империализма от его политики. Конечно, теория империализма Розы Люксембург (а также Паннекука¹⁰ и других левых) вовсе не является экономистской в более узком, собственном смысле слова. Все они, и Роза Люксембург прежде всего, подчеркивают именно те моменты в экономике империализма, которые обязательно переходят в область политики (колониализм, военная промышленность и т. д.). Однако эта связь не становится у них конкретной. Так, Роза Люксембург безупречно показывает, что вследствие процесса накопления капитала переход к империализму, к эпохе борьбы за колониальные рынки сбыта и источники сырья, за возможности экспорта капитала и так далее стал неизбежным, что эта эпоха — последняя фаза капитализма — является эпохой мировых войн. Но она обосновывает всем этим не более как теорию *всей* эпохи, теорию этого современного империализма *вообще*. Однако и она не смогла найти перехода от этой теории к конкретным требованиям дня; «Брошюра Юниуса» в своих конкретных разделах так и не стала логическим следствием «Накопления капитала». Теоретически правильная оценка целой эпохи не конкретизируется ею

в ясное понимание тех конкретных движущих сил, которые призваны осознать и по-революционному осуществить практическую задачу марксистской теории.

Превосходство Ленина в этом ключевом вопросе далеко не исчерпывается громкими словами «политическая гениальность», «практическая пронизательность» и т.п. Это как раз *чисто теоретическое превосходство в оценке исторического процесса в целом*. Ибо в деятельности Ленина на протяжении всей его жизни не было ни одного практического решения, которое не было бы прямым фактическим и логическим следствием его теоретической установки. При этом ее основную посылку составляет требование конкретного анализа конкретной ситуации. Правда, в глазах тех, кто мыслит недиалектически, это переводит весь вопрос в область «реально-политической» практики. *Но для марксистов конкретный анализ конкретной ситуации не противоречит «чистой» теории, а, напротив, образует вершину подлинной теории*, тот пункт, где теория действительно осуществляется, где она — именно поэтому — претворяется в практику.

Это теоретическое превосходство основывается на том, что из всех последователей Маркса именно Ленин был тем, чье видение окружающей его капиталистической действительности меньше, чем у кого-либо, было искажено ее фетишистскими категориями. Ибо решающее превосходство Марксовой политэкономии в сравнении со всеми предшественниками и последователями состоит в том, что даже в самых запутанных вопросах, где, казалось бы, приходится иметь дело с чистейше экономическими (то есть чистейше фетишистскими) категориями, она смогла логикой собственного метода сформулировать проблему таким образом, что за чисто экономическими категориями зримо выявляются в динамике своего развития те классы, общественное бытие которых выражается этими экономическими категориями. (Достаточно вспомнить о различии между постоянным и переменным капиталом в противовес классическому различению между основным и оборотным капиталом. Только благодаря таким различениям проступает классовая структура буржуазного

общества. Марксова формулировка проблемы прибавочной стоимости уже сама по себе вскрыла классовое расслоение между буржуазией и пролетариатом. Приращение постоянного капитала показывает это взаимоотношение в его динамической связи с процессами развития общества в целом и в то же время обнажает идущую между различными группами капитала борьбу за распределение прибавочной стоимости.)

Ленинская теория империализма — это не столько теория его экономически закономерного возникновения и его экономических рамок — как у Розы Люксембург, — сколько теория конкретных классовых сил, которые, будучи развязаны империализмом, действуют в нем, *теория конкретного мирового положения, созданного империализмом*. Когда Ленин исследует сущность монополистического капитализма, его в первую очередь интересует это конкретное мировое положение и классовое расслоение, которое вызвано им, его интересует, как меняется в результате динамичной концентрации капитала внутренняя классовая структура буржуазии и пролетариата (рост чисто паразитических слоев рантье или рабочей аристократии и т.д.). И самое главное: как внутреннее развитие монополистического капитализма — вследствие неравномерности этого развития в отдельных странах — вновь и вновь делает несостоятельными временные соглашения о разделе «сфер интересов» и прочие компромиссы, достигнутые мирным путем, и толкает к конфликтам, которые могут быть разрешены только силой, только посредством войны.

Определение сущности империализма как монополистического капитализма, а империалистической войны как его закономерного продолжения и выражения присущей ему тенденции к еще более высокой концентрации, к абсолютной монополии делает понятным и процесс расслоения общества с точки зрения отношения к войне. Становится ясно, что представлять себе дело а 1а Каутский — таким образом, будто против империализма могут быть мобилизованы те слои буржуазии, которые «не заинтересованы» в нем или даже «обделены» им, означает наивысшие иллюзии. Монополистическое развитие захватывает всю буржуазию

и, больше того, находит поддержку (хотя и временную, конечно) не только у постоянно колеблющейся самой по себе мелкой буржуазии, но даже у части пролетариата. Тем не менее это не значит, будто правы малoverы, считающие, что революционный пролетариат оказывается в изоляции по отношению к обществу в результате своего непримиримого протеста против империализма. Развитие капиталистического общества всегда полно противоречий и совершается в движении противоречий. Монополистический капитализм создает впервые в истории мировое хозяйство в собственном смысле этого понятия; его война, империалистическая война, является поэтому первой мировой войной в самом строгом значении этого слова. Это означает прежде всего, что угнетаемые и эксплуатируемые капитализмом нации впервые в истории ведут уже не изолированную борьбу против своих угнетателей, но втянуты всем своим существованием в водоворот мировой войны. Развитая колониальная политика капитализма означает эксплуатацию колониальных народов не только примитивно грабительским способом, как это было в начале капиталистического развития, но и *одновременно перестраивает их общественную структуру, делает ее капиталистической*. Само собой разумеется, что это происходит во имя усиления эксплуатации (через экспорт капитала и т. д.), но вопреки желанию империализма это приводит к тому, что в колониальных странах закладываются основы собственного буржуазного развития, а его неизбежным идеологическим следствием является *развертывание борьбы за национальную самостоятельность*. Эта борьба еще больше усиливается в связи с тем, что империалистическая война мобилизует все людские резервы, имеющиеся в империалистических странах, частично втягивая колониальные народы в активную борьбу, а частично сохраняя их для нужд ускоренного развития промышленности в этих странах, и, таким образом, ускоряет весь этот процесс как экономически, так и идеологически.

Однако положение колониальных народов представляет собой лишь крайний случай, выражающий отношение

монополистического капитализма к тем, кто подвергается его эксплуатации. Исторический переход от одной эпохи к другой никогда не совершается механически, так, чтобы какой-то способ производства утвердился и стал бы исторически действенным лишь после того, когда предшествующий ему и превзойденный им способ производства уже повсеместно выполнил свою миссию преобразования общества. Вовсе нет, старый и новый, превосходящий его способ производства, а также соответствующие им общественные формы и классовое расслоение перекрещиваются и сталкиваются друг с другом в исторической действительности. Вот почему те или иные процессы, кажущиеся одинаковыми, если рассматривать их абстрактно (например, переход от феодализма к капитализму), имеют совершенно разное содержание по отношению к общественно-историческому целому и соответственно выполняют, если их опять-таки рассматривать сами по себе, совершенно иную функцию и миссию, поскольку они протекают в полностью изменившемся историческом окружении.

Поднимающийся капитализм выступил как сила, формирующая нации. Из средневековой мешанины мелких феодальных владений он перестроил в итоге трудной революционной борьбы капиталистически более развитую часть Европы в крупные нации. Борьба за единство Германии и Италии была последними страницами в истории этой революционной — по своему объективному смыслу — борьбы. Но если капитализм в этих государствах перерос в империалистический, монополистический капитализм, если он принял такие формы даже в отдельных более отсталых странах (России, Японии), то это еще не значит, что он утратил всякое значение как силы, формирующей нации, для всего остального мира. Напротив. *Поступательное капиталистическое развитие породило национальные движения у всех народов Европы, ранее «не имевших истории».* Только теперь их «национально-освободительная борьба» разворачивается уже не как борьба против внутреннего феодализма или феодального абсолютизма, то есть как безусловно прогрессивная, *а с неизбежностью вписывается в рамки империалистического соперничества*

мировых держав. Ее историческое значение, ее оценка зависят поэтому от того, какая конкретно функция выпадает ей в этой конкретной совокупности событий.

Значение этого вопроса в полной мере осознал уже Маркс. Конечно, в его время это была главным образом английская проблема — проблема отношений Англии и Ирландии. И Маркс подчеркивает самым резким образом, что независимо от всякой международной справедливости предпосылка освобождения английского рабочего класса состоит в том, чтобы преобразовать нынешнее насильственное объединение, то есть закабаление Ирландии, если это возможно — в равный и свободный союз, а если это будет необходимо — добиться ее полного отделения. Он со всей ясностью увидел, что эксплуатация Ирландии означает, с одной стороны, решающей важности позицию силы для английского капитализма, который уже тогда — но тогда еще как единственный капитализм — успел приобрести монополистический характер, а, с другой стороны, нечеткая позиция английского рабочего класса в этом вопросе порождает раскол среди угнетенных, борьбу эксплуатируемых против эксплуатируемых вместо того, чтобы они вели единую борьбу против их общих эксплуататоров. Маркс увидел, таким образом, что только национальное освобождение Ирландии может создать действительно эффективный фронт в борьбе английского пролетариата против английской буржуазии.

Эта концепция Маркса не только не была принята к действию современным ему английским рабочим движением, но и не стала жизненной в теории и практике II Интернационала. И здесь на долю Ленина выпало пробудить теорию к новой жизни — но к более живой, более конкретной жизни, чем она была даже первоначально у Маркса. Ибо из чисто всемирно-исторической проблемы она превратилась в текущий вопрос, стоящий на повестке дня, и потому выступает у Ленина уже не теоретически, а вполне практически. Потому что в этой взаимосвязи каждому должно быть ясно, что вся эта гигантская проблема, встающая здесь перед нами, — возмущение всех угнетенных, и не только рабочих, в подлинно

всемирном масштабе — это именно та проблема, которую Ленин в борьбе против народников, легальных марксистов, экономистов и так далее с самого начала считал сердцевинной аграрного вопроса в России. Во всех этих случаях речь идет о том, что Роза Люксембург называла «внешним» рынком капитализма, под которым имеется в виду некапиталистический рынок, независимо от того, находится ли он в пределах или за пределами политических границ той или иной страны. С одной стороны, все расширяющийся капитализм не может существовать без него, а, с другой стороны, его социальная функция по отношению к рынку состоит в разрушении его первоначальной общественной структуры, в том, чтобы сделать его капиталистическим, чтобы превратить его в капиталистически «внутренний» рынок, вследствие чего, однако, он приобретает тенденции к самостоятельности и так далее. Таким образом, соотношения, возникающие в ходе этого процесса, также являются диалектическими. Правда, Роза Люксембург так и не нашла, исходя из этой правильной и широкомасштабной перспективы, путь к конкретному решению конкретных вопросов мировой войны. Она так и не вышла за рамки исторической перспективы, правильной и широкомасштабной характеристики целой эпохи. Но только лишь эпохи как целого. И это также выпало на долю Ленина — сделать решающий шаг от теории к практике. Но именно этот шаг — и этого никогда нельзя забывать — был одновременно *теоретическим прогрессом*. Ибо это был шаг от абстрактного к конкретному.

Этот шаг к конкретному от абстрактно верной оценки исторической действительности, от общего указания на революционную сущность всей эпохи империализма с особой остротой поднимает вопрос об особом характере этой революции. Одно из величайших теоретических достижений Маркса состояло в том, что он точно отделил друг от друга буржуазную и пролетарскую революции. Это различие имело, во-первых, величайшее практически-тактическое значение, учитывая неопытность и иллюзии его современников, а во-вторых, оно давало единственное методическое руковод-

ство, которое позволяло ясно увидеть новые, действительно пролетарски-революционные элементы в революционных движениях того времени. *Однако в вульгарном марксизме это расчленение выродилось в механически жесткое разделение.* Практический вывод, который делают из него оппортунисты, состоит в том, что они схематически обобщают следующее эмпирически правильное наблюдение: поскольку в общем каждая революция нового времени начинается как буржуазная, она с успехом может быть осуществлена и посредством пролетарских действий, с учетом пролетарских требований и так далее. Согласно оппортунистам, революция является в подобных случаях только буржуазной, а задача пролетариата состоит в том, чтобы поддерживать *такую* революцию. Из такого разделения буржуазной и пролетарской революций следует, что пролетариат должен отказаться от своих собственных революционных целей.

Однако леворадикальная концепция, отчетливо понимающая механистическую ложность этой теории и осознающая пролетарски-революционный характер нашей эпохи, впадает в противоположный, но столь же опасный механицизм. Исходя из понимания того, что во всемирно-историческом масштабе буржуазия перестала играть в эпоху империализма революционную роль, но следуя столь же механическому разделению буржуазной и пролетарской революций, она заключает, что отныне *мы вступили в период чисто пролетарской революции.* Подобная установка ведет к опасному практическому выводу, что все движения распада и брожения, которые непременно возникают в эпоху империализма (аграрный, колониальный, национальный вопросы) и *в контексте пролетарской революции являются объективно революционными,* остаются без внимания, более того, даже пренебрегаются и отвергаются; теоретики подобной «чистой» пролетарской революции по собственной воле отказываются от самых настоящих и самых важных союзников пролетариата, пренебрегают той революционной средой, которая создает для пролетарской революции конкретные перспективы, и вот в таком безвоздушном пространстве ожидают и рассчитыва-

ют подготовить «чистую» пролетарскую революцию. «Кто ждет «чистой» социальной революции, — пишет Ленин, — тот *никогда* ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции».

Ибо настоящая революция — это диалектическое перерастание буржуазной революции в пролетарскую. Бесспорный исторический факт, заключающийся в том, что тот класс, который был вождем великих буржуазных революций прошлого или пользовался их плодами, стал теперь объективно контрреволюционным, вовсе не означает, что одновременно с этим социально разрешены те объективные проблемы, вокруг которых вращались эти революции, и что те слои общества, которые были жизненно заинтересованы в решении этих проблем, теперь удовлетворены. Как раз наоборот. Поворот буржуазии к контрреволюции означает не только ее враждебность по отношению к пролетариату, но и одновременно ее отход от собственных революционных традиций. *Она уступает наследие своего революционного прошлого пролетариату.* Отныне пролетариат является единственным классом, который в состоянии последовательно довести до конца буржуазную революцию. Это значит, во-первых, что только в рамках пролетарской революции могут быть осуществлены еще сохраняющие свою актуальность требования буржуазной революции и, во-вторых, что последовательное осуществление этих требований буржуазной революции с неизбежностью ведет к пролетарской революции. Таким образом, пролетарская революция одновременно означает сегодня осуществление и прекращение буржуазной революции.

Правильное понимание такого положения вещей открывает небывалые перспективы увеличения возможностей и резервов пролетарской революции. Но одновременно оно предъявляет небывалые требования и революционному пролетариату, и его руководящей партии. Ибо для того чтобы найти этот диалектический переход, пролетариат должен не только обладать правильным пониманием правильной взаимосвязи, но и практически преодолеть в самом себе мелкобуржуазные наклонности, привычки мышления и тому

подобное, мешающие ему осознать эти взаимосвязи (например, национальные пристрастия). Тем самым пролетариат встает перед необходимостью, *преодолевая самого себя, возвыситься до руководителя всех угнетенных*. Прежде всего, огромным по важности делом революционного самовоспитания является борьба за национальную самостоятельность угнетенных народов — причем как для пролетариата угнетающей нации, который преодолевает свой собственный национализм, добиваясь этой полной национальной самостоятельности, так и для пролетариата угнетаемой нации, который под лозунгами федерализма, международной пролетарской солидарности также поднимается над своим национализмом. Ибо, как говорит Ленин, «пролетариат борется за социализм и против своих собственных слабостей». Борьба за революцию, за использование объективных возможностей, которые предоставляет мировая обстановка, и внутренняя борьба за собственную зрелость революционного классового сознания составляют неотделимые друг от друга моменты одного и того же диалектического процесса.

Таким образом, империалистическая война повсеместно создает для пролетариата союзников, *если он по-революционному борется против буржуазии*. Но если пролетариат не осознает свое положение и свои задачи, это вынуждает его идти в хвосте у буржуазии по пути к ужасающему саморастлению. Империалистическая война создает такую мировую обстановку, при которой пролетариат действительно может стать руководителем всех угнетенных и эксплуатируемых, при которой его освободительная борьба может послужить сигналом и ориентиром к освобождению всех поработанных капитализмом. Но война создает одновременно и такую мировую обстановку, при которой миллионы и миллионы пролетариев вынуждены с изощренной жестокостью убивать друг друга, дабы укрепить и расширить монополистические позиции своих эксплуататоров. Какая из двух этих судеб выпадет на долю пролетариата, *зависит от его понимания своего исторического положения, от его классового сознания*. Ибо «люди сами творят свою историю». Но, конечно,

не при ими же избранных, а при непосредственно данных, встретившихся им и унаследованных ими обстоятельствах.

Речь идет здесь, стало быть, не о выборе, *захочет или не захочет* пролетариат бороться; выбор заключается только в том, *за чьи интересы* он будет бороться — за собственные или за интересы буржуазии. Вопрос, который историческая обстановка ставит перед пролетариатом, заключается *не в выборе между войной и миром, а в выборе между империалистической войной и войной против этой войны — гражданской войной.*

Необходимость гражданской войны как отпора империалистической войне со стороны пролетариата определяется, как и все его методы борьбы, условиями борьбы, которые навязывает пролетариату развитие капиталистического производства, развитие буржуазного общества. Деятельность партии, значение правильного теоретического предвидения простираются ровно настолько, чтобы дать пролетариату ту силу сопротивления и наступления, которой он объективно обладает в соответствии с расстановкой классовых сил в данной ситуации, но которую он не может поднять на уровень данных объективных возможностей в силу теоретической и организационной незрелости. Так, еще до империалистической войны возникла массовая стачка как стихийная реакция пролетариата на империалистическую фазу капитализма, и эта взаимосвязь, вопреки всем усилиям центристов и правого крыла II Интернационала замаскировать ее, стала постепенно теоретическим достоянием радикального крыла.

Но и здесь Ленин был единственным, кто очень рано, уже в 1905 году, понял, что массовая стачка недостаточна как оружие для решающих битв. Когда он после поражения Московского восстания — вопреки Плеханову¹¹, считавшему, что «не нужно было браться за оружие», — расценил неудавшееся восстание как решающий этап и попытался закрепить те конкретные выводы, которые вытекали из его опыта, он *тем самым теоретически обосновал необходимую тактику пролетариата в условиях мировой войны.* Потому что империалистическая фаза капитализма, и в особенности

мировая война, в которой она находит свое крайнее выражение, свидетельствует о том, что капитализм пришел к такому состоянию, когда решается вопрос, удержится ли он или погибнет. Руководствуясь верным классовым инстинктом класса, привыкшего к господству, и сознавая, что по мере расширения сферы ее господства, по мере разворачивания аппарата ее господства одновременно сужается реальная социальная база ее господства, буржуазия предпринимает самые энергичные усилия как для того, чтобы расширить эту базу (повести за собой средние слои, коррумпировать рабочую аристократию и так далее), так и для того, чтобы нанести решающие удары своим основным противникам, прежде чем они соберутся с силами для настоящего сопротивления. Вот почему именно буржуазия повсеместно ликвидировала «мирные» методы классовой борьбы, на которых основывалась и функционировала какое-то время (хотя и весьма проблематично) вся теория ревизионизма, и отдала предпочтение более «энергичным» средствам борьбы. (Стоит назвать Америку.) Ей все больше удается настолько прочно забрать в свои руки государственный аппарат, настолько тесно идентифицировать себя с ним, что даже, казалось бы, чисто экономические требования рабочего класса все упорнее наталкиваются на эту стену и рабочие вынуждены вступать в борьбу с государственной властью (а следовательно, — пусть даже неосознанно, — но и в борьбу за государственную власть), когда они пытаются предотвратить ухудшение их экономического положения, потерю уже завоеванных ими ранее позиций. Так самым ходом развития пролетариату навязывается тактика массовой стачки, причем оппортунизм из страха перед революцией всегда склонялся к тому, чтобы отказаться скорее от уже завоеванного, чем сделать революционные выводы из сложившейся ситуации. Однако массовая стачка по своей объективной сущности — это революционное средство. Каждая массовая стачка создает революционную обстановку, из которой буржуазия с помощью своего государственного аппарата по мере возможности извлекает для себя необходимые следствия. Но по отношению к этим средствам

пролетариат бессилён. Оружие массовой стачки также отказывает в борьбе против них, если в противовес оружию буржуазии пролетариат *точно так же не берётся за оружие*. Это означает не что иное, как стремление вооружиться самому, дезорганизовать армию буржуазии, которая в массе своей состоит ведь из тех же рабочих и крестьян, и повернуть оружие буржуазии против нее самой. (Революция 1905 года дала в этом отношении многочисленные примеры очень верного классового инстинкта, но только лишь инстинкта.)

Что же касается империалистической войны, то она означает крайнее обострение этой ситуации. Буржуазия ставит пролетариат перед выбором: убивать своих товарищей по классу из других стран ради ее монополистических интересов и умирать за эти интересы либо свергнуть господство буржуазии силой оружия? Все прочие средства борьбы становятся бессильными против этой крайней формы насилия, разбиваясь — все без исключения — о броню военного аппарата империалистического государства. Стало быть, если пролетариат хочет избежать участия в войне как крайней форме насилия, он должен вступить в борьбу против самого этого военного аппарата, а именно разложить его изнутри и повернуть против буржуазии, использовать для победы над империализмом то оружие, которое империалистическая буржуазия была вынуждена дать всему народу.

Таким образом, здесь также нет ничего, что с теоретической точки зрения было бы совершенно неизвестно ранее. Напротив. Суть ситуации коренится в соотношении классовых сил между буржуазией и пролетариатом. Война, по определению Клаузевица, — это всего лишь продолжение политики; но она является ее продолжением *во всех отношениях*. Это значит, что война представляет собой не только крайнее и самое решительное проведение до конца той линии, которую страна проводила до этого, во время «мира», то есть не только для внешней политики государства, но и для внутренней расстановки классовых сил в стране (и во всем мире), до предела усиливая и заостряя те тенденции, которые уже действовали в обществе во время

«мира». Так что война отнюдь не создает абсолютно нового положения ни для страны, ни для какого-либо класса внутри нации. Новое в этом положении заключается лишь в том, что небывалое количественное возрастание всех проблем переходит в новое качество и посредством этого — но только посредством этого — порождает новую ситуацию.

Таким образом, с социально-экономической точки зрения война представляет собой лишь один из этапов империалистического развития капитализма. Точно так же она не может быть поэтому ничем иным, кроме как одним из этапов в классовой борьбе пролетариата против буржуазии. И значение ленинской теории империализма состоит в том, что Ленин — чего не смог сделать никто другой со строгой теоретической последовательностью установил эту взаимосвязь мировой войны с общественным развитием в целом и со всей ясностью показал ее на конкретных проблемах войны. Но поскольку исторический материализм является теорией классовой борьбы пролетариата, установление этой взаимосвязи было бы неполным, *если бы теория империализма не явилась одновременно теорией различных течений в рабочем движении в эпоху империализма*. Речь идет, следовательно, не только о том, чтобы ясно видеть, как пролетариат должен действовать в соответствии со своими классовыми интересами в новой мировой обстановке, сложившейся в результате войны, но и о том, чтобы показать, на чем основываются теоретически другие, именующие себя «пролетарскими», позиции в отношении империализма и империалистической войны, к каким перестановкам сил в рядах пролетариата приводит следование этим теориям, превращая их тем самым в определенные политические течения.

Речь идет прежде всего о том, чтобы четко показать, что эти течения вообще существуют как течения; что позиция социал-демократии в отношении войны представляет собой следствие не какого-то моментного заблуждения, трусости и так далее, а закономерный итог предшествующего развития; что *эта позиция может быть правильно понята исходя из истории рабочего движения*, и, следовательно, подходить к ней нужно, учитывая ее связь с предшествую-

щими «разногласиями во мнениях» в рядах социал-демократии (ревизионизмом и т. п.). И тем не менее этот подход, являющийся само собой разумеющимся для марксистского метода (достаточно вспомнить, как рассматриваются соответствующие для того времени течения в «Манифесте Коммунистической партии»), с трудом пробивает себе дорогу даже в рядах революционного крыла рабочего движения. Даже группа «Интернационала», группа Розы Люксембург и Франца Меринга¹², оказалась не в состоянии последовательно додумать до конца и применить на практике эту установку. Очевидно, однако, что любое осуждение оппортунизма и его позиции в отношении войны — если оно не расценивает оппортунизм как исторически возникшее и требующее исторического понимания течение в рабочем движении и не рассматривает его сегодняшнюю практику как органически сложившийся итог его прошлого — не поднимается до действительно принципиального уровня марксистской дискуссии и не может привести к конкретно-практическим, тактико-организационным выводам, необходимым в момент непосредственного действия.

Ленину — и опять-таки только Ленину — с самого начала мировой войны было ясно, что поведение Шейдемана — Плеханова — Вандервельде и прочих¹³ в отношении мировой войны представляет собой не что иное, как *логическое применение принципов ревизионизма к создавшейся обстановке*. В чем же, коротко говоря, состоит сущность ревизионизма? Во-первых, в том, что он пытается преодолеть так называемую «однобокость» исторического материализма, который рассматривает *всю совокупность* явлений, происходящих в истории общества, *исключительно* с классовой точки зрения пролетариата. Ревизионизм выбирает своим исходным пунктом интересы «общества в целом». Но поскольку таких совокупных интересов — если их рассматривать конкретно — попросту не существует и поскольку то, что может быть принято за подобные совокупные интересы, есть не что иное, как существующая в данный момент равнодействующая различных классовых сил, взаимодействующих в ходе

борьбы, постольку ревизионист воспринимает *постоянно изменяющийся результат исторического процесса как всегда одинаковый методологический исходный пункт*. Поэтому и в теоретическом плане он ставит вещи с ног на голову. А практически, *уже* вследствие этого теоретического исходного пункта, его сущность всегда и с неизбежностью оказывается компромиссом. Ревизионизм всегда эклектичен; это означает, что он пытается — уже теоретически — притупить классовые противоречия, сгладить их и сделать единство этих противоречий — поставленное на голову и существующее только в его голове — критерием оценки всего происходящего.

На этом основании — и это во-вторых — ревизионист отвергает *диалектику*. Ибо диалектика и есть понятийное выражение того, что в действительности развитие общества совершается в движении противоречий, что эти противоречия (противоречия классов, антагонистическая сущность их экономического бытия и т.д.) составляют основу и зерно всего происходящего, а «единство» общества, если это общество основано на расслоении классов, представляет собой не более как абстрактное понятие и постоянно изменяющийся итог взаимодействия этих противоречий. А поскольку диалектика как метод есть лишь теоретическая форма того реального состояния общества, при котором его поступательное развитие происходит в противоречиях, в переходе из одного противоречия в другое, *то есть по-революционному*, теоретическое отвержение диалектики с неизбежностью означает принципиальный разрыв с любыми революционными действиями.

В-третьих, поскольку ревизионисты отказываются, таким образом, признать, что диалектика с ее движением в противоречиях, которое как раз поэтому и создает постоянно нечто *новое*, существует в реальной действительности, из их мышления исчезает историческое, конкретное, новое. «Действительность», которая существует для них, подчинена схематичномеханистически действующим «вечным и нерушимым законам», которые — в соответствии со своей сущностью — непрерывно создают *одно и то же* и которым человек фаталистически подвластен точно так же, как и за-

конам природы. Достаточно, стало быть, раз и навсегда познать эти законы, чтобы знать наперед, как сложатся судьбы пролетариата. Для ревизиониста заведомо ненаучна даже мысль о том, что может сложиться новая, не укладывающаяся в эти законы обстановка или же ситуация, исход которой зависит от решения пролетариата. (Переоценка роли крупных личностей, морали и т.д. представляет собой противоположный, но логически закономерный полюс этой же концепции.)

В-четвертых, эти законы являются, однако, *законами капиталистического развития*, и подчеркивание их надысторического и вневременного характера означает, что для ревизионистов капиталистическое общество есть такая же не подверженная существенным изменениям *действительность*, как и для буржуазии. Ревизионист не рассматривает буржуазное общество как нечто исторически возникшее и потому исторически обреченное на исчезновение, точно так же, как он не считает науку средством познания эпохи этого исчезновения и действенным средством ускорения его, видя в ней — в лучшем случае — средство улучшения положения пролетариата *внутри буржуазного общества*. Любое мышление, выходящее за горизонт буржуазного общества, — это для ревизиониста иллюзии и утопии.

В силу этого — в-пятых — ревизионизму присущ так называемый «реально-политический» подход. *Он постоянно приносит в жертву действительные интересы класса в целом* (последовательное отстаивание которых он точно так же считает утопизмом) *ради того, чтобы отстаивать текущие интересы его отдельных групп*. Очевидно, даже если ограничиться этими краткими замечаниями, что ревизионизм смог стать реальным течением в рабочем движении только потому, что новые процессы в развитии капитализма позволили определенным слоям рабочих извлечь — временно — экономические выгоды из этой ситуации. И еще потому, что организационная форма рабочих партий обеспечивает этим слоям и их интеллектуальным представителям большее влияние, чем — пусть даже непоследовательно и лишь инстинктивно революционным — широким массам

пролетариата. Общее для всех оппортунистических течений состоит в том, что они никогда не рассматривают происходящее с классовой точки зрения пролетариата и потому впадают во внеисторичную и недиалектическую, эклектичную «реальную политику». Это общее связывает друг с другом и их различные концепции империалистической войны, свидетельствуя одновременно о том, что все они без исключения являются закономерными следствиями предшествующего оппортунизма. Безоговорочная покорность, которую проявляет правое крыло по отношению к империалистическим властям «собственной» страны, органически вырастает из концепции (пусть даже сопровождаемой поначалу всяческими оговорками), которая рассматривает буржуазию как ведущий класс исторического развития и возлагает на пролетариат задачу поддержки ее «прогрессивной роли». И когда Каутский характеризует Интернационал как непригодный для условий войны, как исключительно мирный инструмент, он не говорит ничего отличного от русского меньшевика Череванина, который после первой русской революции разразился жалобами: «Но в революционном огне, когда революционные цели так близки к своему осуществлению, только с большим трудом можно проложить путь разумной меньшевистской тактике». И прочая, и прочая.

Оппортунизм различается и *по тем слоям буржуазии*, к которым он стремится примкнуть, за которыми он пытается заставить следовать пролетариат. Это может быть, как это имеет место в отношении правого крыла, тяжелая промышленность и банковский капитал. В этом случае империализм безоговорочно признается как необходимый, а пролетариат должен найти удовлетворение своих интересов в империалистической войне, в величии, в победе «собственной» нации. Или же оппортунизм стремится примкнуть к тем слоям буржуазии, которые, будучи втянуты в ход событий, чувствуют, однако, что они оттеснены на второй план и потому, вынужденные практически повиноваться империализму, ворчат, недовольные этим принуждением, и «желают» иного поворота событий, уповая по этой причине на скорый мир, свободную торговлю,

возврат к «нормальному» положению и прочее. Само собой разумеется, что при этом они никогда не способны выступить активными противниками империализма и, напротив, ведут лишь напрасную борьбу за свою долю в империалистической добыче (к ним относятся представители некоторых отраслей легкой промышленности, мелкая буржуазия и т.д.). Исходя из их перспективы, империализм представляется чем-то «случайным», и усилия направляются на то, чтобы найти какое-то пацифистское решение и притупить противоречия. А пролетариат, на который, втянув его в русло этой политики, пытаются сделать здесь основную ставку, также не должен активно бороться против войны (хотя не бороться означает практически принимать участие в войне). Задача пролетариата ограничивается тем, чтобы декларировать необходимость «справедливого» мира и прочее.

Интернационал является организационным выражением общности интересов всего мирового пролетариата. В тот момент, когда признается хотя бы теоретическая возможность того, чтобы рабочие боролись против рабочих в угоду буржуазии, Интернационал практически перестает существовать. А в тот момент, когда становится понятно, что эта кровавая борьба рабочих против рабочих, навязанная им соперничающими империалистическими державами, представляет собой закономерное следствие предшествующего поведения ведущих сил Интернационала, о его восстановлении, о его возвращении на правильный путь, о возобновлении его деятельности не может быть больше и речи. Понимание оппортунизма как определенного течения в рабочем движении означает, что *оппортунизм является классовым врагом пролетариата в его собственном лагере*. Удаление оппортунистов из рабочего движения составляет поэтому первоочередную, неотъемлемую предпосылку успешного развертывания борьбы против буржуазии. Для подготовки пролетарской революции совершенно необходимо, таким образом, чтобы рабочие духовно и организационно освободились от этого развращающего их влияния. А поскольку эта борьба есть борьба всего рабочего класса против мировой буржуазии,

борьба против оппортунизма ведет к неизбежному — созданию нового, пролетарски-революционного Интернационала.

Тот факт, что старый Интернационал погряз в болоте оппортунизма, является следствием определенной эпохи, революционный характер которой не проявляется с очевидностью на поверхности событий. Крах старого Интернационала и необходимость создания нового Интернационала суть свидетельства того, что вступление в эпоху гражданских войн стало отныне неизбежным. Это вовсе не означает, что борьба будет тотчас же и ежедневно вестись на баррикадах. Но это означает, что такая необходимость *может* возникнуть тотчас же и в любой день; это означает, что история поставила гражданскую войну на повестку дня. Вот почему партия пролетариата и тем более Интернационал могут быть жизнеспособными лишь в том случае, если они ясно осознали эту необходимость и полны решимости духовно и материально, теоретически и организационно подготовить к ней (равно как к вытекающим из нее следствиям) пролетариат.

Исходным пунктом этой подготовки является понимание характера эпохи. Только тогда, когда рабочий класс осознает, что мировая война является закономерным следствием империалистического развития капитализма, когда ему станет ясно, что *гражданская война представляет собой для него единственную возможность* предотвратить собственную гибель, если он будет действовать в угоду империализму, может начаться материальная и организационная подготовка к достижению этой цели. И только тогда, когда борьба за ее достижение станет действительной, глухое брожение, охватывающее всех угнетенных, станет действительным союзником борющегося за свое освобождение пролетариата. Таким образом, пролетариат должен прежде всего иметь перед глазами свое собственное, верное классовое сознание, выступающее в неприкрыто-зримой форме, чтобы с его помощью стать руководителем подлинной освободительной борьбы, действительно мировой революции. И соответственно этому Интернационал, возникающий из этой борьбы и во имя этой борьбы, представляет собой теоретически ясное и надежно

боеспособное объединение действительно революционных элементов рабочего класса; но одновременно с этим — орган и средоточие освободительной борьбы угнетенных всего мира. *Он представляет собой большевистскую партию; ленинскую концепцию партии во всемирном масштабе.* Точно так же, как сама мировая война показала в макрокосме гигантского разрушения мира те силы гибнущего капитализма и те возможности борьбы против него, которые Ленин с предельной ясностью рассмотрел уже в микрокосме нарождающегося российского капитализма, в возможностях русской революции.

5

Государство как орудие

Революционная сущность эпохи самым наглядным образом выражается в том, что борьба классов и партий не носит уже характера борьбы в рамках определенного государственного строя, а начинает взрывать его границы и перешагивает через них. С одной стороны, она выступает как борьба *за* государственную власть, а с другой стороны, и одновременно с этим само государство превращается в открытого *участника* борьбы. При этом она ведется не только *против* государства, но и само государство обнажает свой характер как *орудия* *классовой борьбы*, как одного из важнейших инструментов сохранения классового господства. На этот характер государства постоянно указывали Маркс и Энгельс и исследовали его во всех его взаимосвязях с процессом исторического развития, с пролетарской революцией. Не оставляя места никаким ложным толкованиям, Маркс и Энгельс заложили теоретические основы теории государства в рамках исторического материализма. Но именно здесь оппортунизм — будучи последовательным — дальше всего и отошел от Маркса и Энгельса. Ибо в любом другом пункте еще оставалась возможность, скажем, так представить «ревизию» отдельных экономических концепций, будто она в основе своей еще могла бы тем не менее как-то соответствовать сущности метода Маркса (направление Бернштейна), или же придать «ортодоксально»

закрепленному экономическому учению механистически-фаталистический, недиалектически-нереволюционный поворот (направление Каутского). Что же касается тех проблем, которые Маркс и Энгельс считали основными вопросами их теории государства, то достаточно было поставить их, и это уже означало признание актуальности пролетарской революции. Оппортунизм всех господствующих во II Интернационале тенденций самым наглядным образом обнаруживается в том, что ни одно из его течений не занимается всерьез проблемой государства. Здесь — то есть в решающем пункте — между Каутским и Бернштейном нет никакого различия. Все они, без исключения, попросту принимают государство буржуазного общества. И если они его критикуют, то нападают при этом лишь на отдельные, нежелательные для пролетариата формы и способы его проявления. Государство рассматривается ими исключительно с точки зрения частных повседневных интересов, и при этом никогда не исследуется и не оценивается его сущность с точки зрения класса пролетариата в целом. Больше того, революционная незрелость и нечеткость левого крыла II Интернационала также проявляются в том, что и оно оказалось не в состоянии четко поставить проблему государства. Оно смогло лишь *подойти* вплотную к проблеме революции, к проблеме борьбы *против* государства, но не сумело — даже чисто теоретически — конкретно поставить вопрос, не говоря уже о том, чтобы практически указать на его конкретные следствия в актуальной исторической действительности.

И здесь Ленин был единственным, кто достиг теоретической высоты Марксовой концепции и чистоты пролетарской революционной позиции в отношении государства. И если бы его заслуга состояла только в этом, то она уже явилась бы теоретическим достижением высочайшего ранга. Но, восстановив Марксову теорию государства, Ленин осуществил не филологическое восстановление первоначального учения и не философскую систематизацию его подлинных принципов. Как и во всем остальном, он осуществил его дальнейшее развитие в область конкретного, его конкретизацию — в область актуально-практического. *Ленин поставил вопрос*

о государстве как вопрос сегодняшнего дня для борющегося пролетариата и уже тем самым (чтобы подчеркнуть прежде всего значение только лишь этой постановки вопроса) встал на путь принципиально важной конкретизации этого вопроса. Ибо объективная возможность оппортунистического затуманивания ясной, как солнце, теории государства исторического материализма и заключалась в том, что до Ленина эта теория воспринималась лишь как общая теория, как историческое, экономическое, философское и прочее разъяснение сущности государства. Правда, уже Маркс и Энгельс увидели в конкретных революционных событиях своего времени реальный прогресс пролетарского мышления в вопросе о государстве (Коммуна); правда и то, что они со всей резкостью указывали на те ошибки, к которым ведут в руководстве классовой борьбой пролетариата ложные теории государства (критика Готской программы). Однако даже их непосредственные ученики, лучшие из вождей рабочего движения того времени, не поняли взаимосвязи проблемы государства со своей повседневной работой. Для этого в то время был нужен теоретический гений Маркса и Энгельса, чтобы даже во всемирно-историческом смысле увидеть актуальное в этой взаимосвязи с малыми битвами повседневности, и само собой разумеется, что пролетариат тем менее был в состоянии органически связать эту ключевую проблему с непосредственно возникавшими перед ним проблемами его повседневной борьбы. Проблема государства все больше приобретала характер некоей «конечной цели», достижение которой оставалось делом будущего.

Только благодаря Ленину это «будущее» превратилось в настоящее, в том числе в теоретическом отношении. Только тогда, когда вопрос государства осознается как проблема повседневной борьбы, перед пролетариатом открывается возможность уже не рассматривать капиталистическое государство (подходя к нему конкретно) как его, пролетариата, естественную, не подверженную изменениям окружающую действительность, как единственно возможный при его нынешнем существовании общественный порядок. Только такая позиция в отношении буржуазного государства дает

пролетариату теоретическое бесстрашие по отношению к государству вообще и переводит его действия в этой области в плоскость чисто тактического вопроса. Нет нужды, например, разъяснять подробно, что как раз отсутствие теоретического бесстрашия по отношению к буржуазному государству в равной мере скрывается как в тактике легальности любой ценой, так и романтизации нелегальности. В обоих случаях буржуазное государство рассматривается не как инструмент классовой борьбы буржуазии, с которым следует считаться как с одним из реальных факторов силы, но *не более чем* одним из реальных факторов силы; почтение к нему *целиком* сводится к вопросу *целесообразности*.

Мало того, ленинский анализ государства как орудия классовой борьбы еще больше конкретизирует этот вопрос. А именно, речь идет о том, что при этом не только выявляются непосредственно практические (тактические, идеологические и т. д.) следствия исторически правильного понимания буржуазного государства, но и конкретно обрисовываются одновременно контуры пролетарского государства в его органической связи с другими средствами борьбы пролетариата. Становится ясно, что традиционное разделение труда в рабочем движении (партия, профсоюзы, различные общества) уже недостаточно сегодня для революционной борьбы пролетариата.

Становится ясной необходимость создания таких органов, которые в состоянии охватить и повести на борьбу весь пролетариат и помимо того широкие массы всех эксплуатируемых буржуазного общества (крестьян, солдат). Но эти органы, Советы, по сути своей являются — уже в рамках буржуазного общества — органами организующегося как класс пролетариата. Но тем самым ставится на повестку дня вопрос о революции. Ибо, как говорил Маркс, «организация революционных элементов как класса имеет своей предпосылкой готовое существование всех производительных сил, которые вообще могут развиваться в недрах буржуазного общества».

Такая организация класса в целом — нацелена она на это или нет — вынуждена вступить в борьбу против государст-

венного аппарата буржуазии. Здесь не остается иного выбора: либо пролетарские Советы дезорганизуют буржуазный государственный аппарат, либо же ему удастся низвести Советы до видимого, кажущегося существования и обречь их тем самым на вымирание. Возникает положение, при котором либо буржуазия добивается подавления революционного массового движения и возвращения к «нормальному» состоянию, восстановления «порядка», либо же из Советов, организаций борьбы пролетариата, возникают организации его господства, его государственный аппарат, являющийся в то же время органом классовой борьбы. Даже в своих самых первоначальных, самых неразвитых формах, относящихся еще к 1905 году, рабочие Советы обнаруживают этот характер: *они представляют собой контрправительство*. В то время как другие органы классовой борьбы также могут быть тактически применимы в период бесспорного господства буржуазии, то есть могут работать по-революционному в этих условиях, сущность рабочих Советов состоит в том, что они выступают по отношению к государственной власти буржуазии в качестве конкурирующего с ней второго правительства. Вот почему, когда, скажем, Мартов признает Советы как органы борьбы, но отрицает их способность стать государственным аппаратом, он устраняет из теории не что иное, как революцию, реальный захват власти пролетариатом. И когда, с другой стороны, некоторые ультралевые теоретики делают из рабочего Совета постоянную классовую организацию пролетариата, намереваясь заменить ею и партию, и профсоюзы, они демонстрируют тем самым, что не понимают различия между революционной и неревolutionной ситуацией и не уяснили себе действительного назначения рабочих Советов. Они не усвоили того, что понимание конкретных возможностей рабочих Советов уже само по себе выводит за рамки буржуазного общества и открывает перспективу пролетарской революции (и поэтому рабочий Совет непрерывно убеждает пролетариат в том, что он должен непрерывно готовить себя к выполнению этой задачи); но действительное существование Советов — если оно

не превращается в фарс — уже означает серьезную борьбу за государственную власть, означает гражданскую войну.

Рабочий Совет как государственный аппарат — это и есть *государство как орудие классовой борьбы пролетариата*. Из того факта, что пролетариат подавляет классовое господство буржуазии и стремится создать бесклассовое общество, недиалектическая — и потому внеисторичная и нереволуционная — теория оппортунизма сделала вывод, что пролетариат, подавляя классовое господство буржуазии, должен устранить любое классовое господство, что поэтому формы его собственного господства ни при каких обстоятельствах не должны стать органами классового господства, классового подавления. Эта коренная установка, если подходить к ней абстрактно, представляет собой утопию, ибо такого рода господства пролетариата никогда практически не может быть. Но если подойти к ней конкретнее и применить к современности, она означает *идеологическую капитуляцию перед буржуазией*. Наиболее развитая форма господства буржуазии — демократия — расценивается этой концепцией по меньшей мере как предшествующая форма пролетарской демократии, а по большей мере — как сама пролетарская демократия, в которой следует лишь — посредством мирной агитации — заботиться о том, чтобы большинство населения было завоевано на сторону «идеалов» социал-демократии. Таким образом, оказывается, что переход от буржуазной демократии к пролетарской демократии не обязательно совершается революционным путем. Революционным остается лишь переход от отсталых государственных форм к демократии, и при некоторых обстоятельствах возникает необходимость революционной защиты демократии от реакции. (Насколько неверно и контрреволюционно такое механическое расчленение пролетарской и буржуазной революции, видно практически из того, что социал-демократия нигде не оказывает серьезного сопротивления фашистской реакции и не защищает демократию революционными средствами.)

Следствие подобных воззрений состоит не только в том, что революция устраняется из процесса исторического развития,

каковой предстает благодаря всякого рода грубо или тонко сконструированным смещениям как процесс «врастания» в социализм; *их назначение состоит также в том, чтобы затемнить в сознании пролетариата классовый характер буржуазной демократии.* И отправная точка этого обмана находится в *недиалектически толкуемом понятии большинства.* Поскольку именно господство рабочего класса по самой сути своей представляет интересы подавляющего большинства населения, у многих рабочих очень легко возникает иллюзия, будто некая чистая, формальная демократия, при которой в равной мере учитывается голос каждого гражданина государства, может послужить наиболее подходящим инструментом, чтобы выражать и представлять интересы совокупной общности всего населения. Но при этом упускается из вида всего лишь — всего лишь! — мелочь, а именно то, что люди — это отнюдь не абстрактные индивидуумы, не абстрактные атомы некоего государственного целого, а — все без исключения — конкретные люди, занимающие определенное место в общественном производстве, чье общественное бытие (и опосредованное им мышление и т. д.) определяется исходя из этого их положения. Чистая демократия буржуазного общества исключает как раз это опосредование: она непосредственно связывает взятого как такового абстрактного индивидуума с государственным целым (которое в этом контексте выступает столь же абстрактным). Таков основной характер буржуазной демократии, и уже благодаря этому формальному характеру *буржуазное общество оказывается политически распыленным.* И это означает не только явное преимущество для буржуазии, но и создает как раз решающую предпосылку ее классового господства.

Ибо нет такого классового господства (хотя любое из них построено в конечном счете на насилии), которое могло бы долго держаться только посредством насилия. Как сказал еще Талейран, «штыками можно начать все, что угодно, на них нельзя только сесть». *Другими словами, господство меньшинства всегда было организовано в социальном отношении таким образом, чтобы это обеспечивало концентрацию*

господствующего класса, позволяло ему выступать единым и сомкнутым и в то же время дезорганизовывало и раскалывало угнетенные классы. Что же касается такого господства меньшинства, как господство современной буржуазии, то нужно всегда иметь в виду, что значительное большинство населения не принадлежит ни к одному из классов, играющих решающую роль в классовой борьбе: ни к пролетариату, ни к буржуазии; что в силу этого социальная, классовая функция, которую выполняет «чистая» демократия, состоит в том, чтобы обеспечивать буржуазии руководство этими промежуточными слоями. (Разумеется, сюда относятся и идеологическая дезорганизация пролетариата. Чем дольше существует демократия в той или иной стране, чем чище формы, до которых она развилась, тем сильнее эта дезорганизация, как это яснее всего видно в Англии и Америке.) Конечно, для достижения этой цели одной политической демократии такого рода явно недостаточно. Она составляет лишь политическую вершину общественной системы, другими звеньями которой являются идеологическое расчленение экономики и политики, создание бюрократического государственного аппарата, который материально и морально заинтересовывает значительные части мелкой буржуазии в прочности государства, буржуазная партийная система, пресса, школа, религия и т. д. При этом более или менее сознательном разделении труда все они преследуют одну цель: помешать формированию среди угнетенных классов населения самостоятельной, выражающей собственные классовые интересы идеологии; связать отдельных представителей этих классов, взятых обособленно, как индивидуумов, как «граждан государства», с абстрактным — возвышающимся над классами — государством; *дезорганизовать эти классы как классы*, распылить их, превратив в легко управляемые буржуазией атомы.

Понимание того, что Советы (Советы рабочих и крестьян и солдат) представляют собой государственную власть пролетариата, означает *попытку пролетариата* как ведущего класса революции *противодействовать этому процессу дезорганизации*. Прежде всего он должен сам конституиро-

ваться как класс. Но вслед за тем он точно так же должен организовать для этой деятельности активные элементы промежуточных слоев, инстинктивно поднимающиеся против господства буржуазии. А одновременно с этим должно быть подорвано — как материально, так и идеологически — влияние буржуазии на остальные части этих классов. Оппортунисты поумнее, как, например, Отто Бауэр, поняли, что социальный смысл диктатуры пролетариата, диктатуры Советов в значительной мере заключается в следующем: *решительно отобрать у буржуазии возможность идеологического руководства этими классами, особенно крестьянством, и обеспечить это руководство на переходный период пролетариату.* Подавление буржуазии, слом ее государственного аппарата, уничтожение ее прессы и так далее составляют жизненную необходимость для пролетарской революции, ибо, потерпев первые поражения в борьбе за государственную власть, буржуазия никоим образом не отказывается от попыток снова обрести свою ведущую экономическую и политическую роль и даже остается еще в течение долгого времени более сильным классом в классовой борьбе, продолжающейся в изменившихся таким образом условиях.

Итак, с помощью системы Советов как государства пролетариат продолжает ту же борьбу, которую он раньше вел за государственную власть, против капиталистической государственной власти. Он должен экономически уничтожить буржуазию, политически изолировать ее, идеологически разложить и подчинить. Но одновременно с этим он должен стать вождем движения к свободе для всех других слоев общества, которые он вырывает из состояния подчинения буржуазии. Это означает, что для пролетариата недостаточно *объективно бороться за интересы* других эксплуатируемых слоев. Его государственная форма должна служить тому, чтобы отсталость и раздробленность этих слоев были преодолены путем воспитания, чтобы они были воспитаны для активной деятельности, для самостоятельного участия в государственной жизни. Одна из важнейших функций системы Советов состоит в том, чтобы связать между собой те моменты общественной жизни, которые

разрывает капитализм. Там, где этот разрыв находился в сознании угнетенных классов, связь этих моментов должна быть установлена сознательно. Система Советов постоянно создает, например, неразрывное единство экономики и политики; она связывает тем самым непосредственное существование людей, их непосредственные повседневные интересы и тому подобное с решающими вопросами общественного развития в целом. Но она устанавливает также единство в объективной реальности там, где классовые интересы буржуазии смогли установить некое «разделение труда»: прежде всего единство между «аппаратом власти» (армия, полиция, аппарат управления, суд и т.д.) и «народом». Вооруженные крестьяне и рабочие, выступающие в качестве государственной власти, являются одновременно продуктом борьбы, которую ведут Советы, и предпосылкой их существования. Система Советов вообще нацелена на то, чтобы повсеместно связать деятельность людей с общими вопросами деятельности государства, экономики, культуры и так далее, борясь вместе с тем против того, чтобы управление всеми этими вопросами не стало привилегией замкнутого, изолированного от совокупной жизни общества — бюрократического слоя. Доводя, таким образом, до сознания общества реальную взаимосвязь всех моментов общественной жизни (а на более поздней стадии объективно соединяя и то, что сегодня еще остается объективно разделенным, — например, город и деревню, умственный и физический труд и т.д.), система Советов, пролетарское государство выступает решающим фактором организации пролетариата как класса. То, чем пролетариат располагал в условиях капиталистического общества лишь как возможностью, только здесь вырастает до действительного существования; *собственная производительная энергия пролетариата может пробудиться только после взятия им государственной власти*. Но то, что верно в отношении пролетариата, верно и для других угнетенных слоев буржуазного общества. Они также могут пробудиться и подняться к активной жизни только в этой взаимосвязи, хотя и при данном государственном строе они остаются лишь ведомыми. Разумеется, при капитализме, будучи ведомыми,

они были не в состоянии осознать такие процессы, как свое собственное социально-экономическое разложение, испытываемые ими эксплуатацию и гнет. Теперь же, под руководством пролетариата, они могут не только жить в соответствии со своими интересами, но и дать выход их скрытой до сих пор или же превратно использованной энергии. Их положение ведомых сказывается лишь в том, что рамки и направление их развития определяются пролетариатом как ведущим классом революции.

Положение непролетарских промежуточных слоев в качестве ведомых в пролетарском государстве, таким образом, весьма существенно отличается с материальной точки зрения от их положения ведомых в буржуазном обществе. Помимо того, существует также отнюдь не маловажное формальное различие: *пролетарское государство является первым в истории классовым государством, которое совершенно открыто и без всякого лицемерия провозглашает себя классовым государством, аппаратом подавления, инструментом классовой борьбы.* Только этот предельно открытый характер государства, отсутствие какого бы то ни было лицемерия делают возможным действительное взаимопонимание между пролетариатом и другими слоями общества. А помимо того это служит необычайно важным средством самовоспитания пролетариата. Ибо так же, как было бы, конечно, важно пробудить в пролетариате сознание того, что наступила фаза решающих революционных боев, что борьба за государственную власть, за руководство обществом уже развернулась, так же опасно было бы допустить недиалектическую косность в понимании этой истины. Было бы, следовательно, крайне опасно, если бы пролетариат, высвобождаясь из идеологии классового пацифизма, осознавая историческое значение и неизбежность применения насилия, усвоил бы, будто *все проблемы* господства пролетариата при любых обстоятельствах могут быть решены *насилиям*. Но было бы еще опаснее, если бы у пролетариата возникло представление, будто с завоеванием государственной власти классовая борьба приходит к концу или по меньшей мере в ней наступает некое перемирие. Пролетариат должен

понять, что завоевание государственной власти представляет собой только *определенную фазу* в этой борьбе. После завоевания государственной власти борьба становится еще напряженнее, и нет никаких оснований утверждать, что соотношение сил тотчас же и решающим образом изменится в пользу пролетариата. Ленин не уставал повторять, что буржуазия остается более сильным классом и после установления Советской республики, и после ее экономической экспроприации, и еще в то время, когда она политически подавляется. Но соотношение сил в то же время меняется, когда пролетариат приобретает *новое, мощное орудие* в своей классовой борьбе — *государство*. Конечно, ценность этого орудия, его способность разбить, изолировать, уничтожить буржуазию, завоевать и воспитать другие слои общества для сотрудничества в деятельности государства рабочих и крестьян, организовать сам пролетариат как действительно руководящий класс — все это отнюдь не обеспечивается автоматически с завоеванием государственной власти, и государство не развивается само собой как инструмент борьбы из голого факта завоевания государственной власти. Ценность государства как орудия пролетариата зависит от того, *что* пролетариат в состоянии из него *сделать*.

Актуальность революции выражается в актуальности проблемы государства для пролетариата. Но тем самым одновременно перед пролетариатом встает проблема социализма, передвигаясь из дали некоей конечной цели и обретая близость непосредственного сегодняшнего вопроса. Но эта ощутимая близость осуществления социализма опять-таки представляет собой диалектическое отношение и для пролетариата может оказаться роковым механистически-утопически воспринять эту близость как осуществленное бытие социализма только в результате взятия власти (экспроприации капиталистов, обобществления и т.д.). Маркс самым тонким образом проанализировал переход от капитализма к социализму и указал на целый ряд буржуазных структурных форм, которые могут быть искоренены только в процессе длительного развития. Ленин также со всей возможной резкостью проводит здесь

линию разграничения с утопизмом. «Ни один коммунист, — говорит он, — не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими». Таким образом, актуальность революции означает прежде всего социализм как вопрос, стоящий на повестке дня рабочего движения. Однако лишь в том смысле, что за создание его предпосылок необходимо бороться изо дня в день, чтобы те или иные из конкретных повседневных мер уже означали конкретные шаги к его осуществлению.

Именно в этом пункте, в своей критике отношений между Советами и социализмом, оппортунизм разоблачает себя, подтверждая, что он окончательно перешел в лагерь буржуазии и стал классовым врагом пролетариата. Ибо, с одной стороны, он рассматривает все кажущиеся уступки, которые испуганная или дезорганизованная на миг буржуазия делает пролетариату, как действительные шаги к социализму. (Вспомним давно уже ликвидированные «Комиссии по обобществлению» 1918–1919 годов в Германии и Австрии.) А с другой стороны, оппортунизм третирует Республику Советов, потому что она не тотчас же воплощает в жизнь социализм, потому что она осуществляет — в пролетарских формах и под пролетарским руководством — всего лишь буржуазную революцию («Россия — крестьянская республика», «Возвращение капитализма» и т.п.). В обоих этих случаях становится ясно, что для оппортунизма любых оттенков настоящим врагом, против которого он действительно считает нужным бороться, является не что иное, как сама пролетарская революция. И таково совершенно логичное следствие из оппортунистической установки в отношении империалистической войны. С другой стороны, Ленин был также абсолютно последователен в своей критике оппортунизма как до, так и во время войны, когда в условиях Республики Советов относился к оппортунистам, в том числе практически, как к врагам рабочего класса. К буржуазии, чей духовный и материальный аппарат должен быть разрушен, чья система власти должна быть дезорганизована диктатурой

пролетариата, чтобы ее влияние не захватило колеблющиеся слои в силу их объективного классового положения, относится и *оппортунизм*. Именно актуальность социализма делает эту борьбу еще острее, чем она была, скажем, во время дискуссии вокруг бернштейнианской ревизии марксизма. Государство как орудие пролетариата в борьбе за социализм, как инструмент подавления буржуазии является вместе с тем его орудием, призванным ликвидировать опасность оппортунизма для классовой борьбы пролетариата, которая в условиях его диктатуры будет продолжаться с неослабевающей напряженностью.

6

Революционная «realpolitik»

Пролетариат захватывает государственную власть и устанавливает свою революционную диктатуру: это означает, что осуществление социализма становится вопросом, непосредственно стоящим на повестке дня. То есть проблемой, к которой пролетариат идеологически подготовлен менее всего. Ибо так называемая «реальная политика» социал-демократии, которая всегда относилась ко всем текущим вопросам только как к текущим вопросам, вне их взаимосвязи с процессом развития в целом, вне их отношения к конечным проблемам классовой борьбы, — другими словами, никогда не выходила практически и конкретно за горизонт буржуазного общества, именно в силу этого вновь придала социализму в глазах рабочих характер некоей утопии. Отделение конечной цели от процесса движения не только извращает правильную перспективу в отношении повседневных вопросов и движения, но и превращает одновременно в утопию саму конечную цель. Это скатывание к утопизму проявляется в самых различных формах. Прежде всего в том, что в глазах утопистов социализм выступает не как процесс становления, а как бытие. При таком подходе проблемы социализма — поскольку они вообще поднимаются — исследуются лишь в пределах того, какие экономические, культурные и прочие вопросы могут встать и какие благоприятные для них технические и другие решения могут

быть найдены, когда социализм уже вступит в стадию практического осуществления. При этом, однако, не поднимается ни вопрос о том, как становится социально возможной и как достигается подобная ситуация, ни вопрос о том, как подобная ситуация обеспечивается социально-конкретно, то есть с какими классовыми отношениями, с какими экономическими формами сталкивается пролетариат в тот исторический момент, когда он приступает к задаче осуществления социализма. (Как в свое время Фурье детально анализировал вопрос о создании фаланстеров, не будучи в состоянии указать тот конкретный путь, на котором это могло бы быть достигнуто.) Оппортунистический эклектицизм, *устранение диалектики из метода социалистического мышления изымает, таким образом, и сам социализм из исторического процесса классовой борьбы.* Для тех, кто отравлен ядом этого мышления, предпосылки осуществления социализма, равно как и проблемы его осуществления, неизбежно предстают в искаженной перспективе. Эта ложность исходной установки заходит настолько глубоко, что она не только завладевает мышлением оппортунистов, для которых, собственно, социализм всегда остается некой отдаленной конечной целью, но и приводит к искаженным представлениям честных революционеров. Последние (имея в виду значительную часть левых во II Интернационале) действительно рассматривали революционный процесс, борьбу за власть как процесс, во взаимосвязи с практическими вопросами повседневности; но они были неспособны точно так же поставить в эту взаимосвязь положение пролетариата после захвата власти и конкретные проблемы, вытекающие из этого положения. Здесь они точно так же превратились в утопистов.

Великолепный реализм, с которым Ленин в период диктатуры рассматривает все проблемы социализма (что вынуждены с уважением признавать даже его буржуазные и мелкобуржуазные противники), есть, таким образом, не что иное, как *последовательное применение марксизма*, историко-диалектического подхода к ставшим отныне актуальными проблемам социализма. В речах и работах Ленина, как, впрочем, и в трудах Маркса, можно найти очень немного

о социализме как состоянии. И, напротив, куда больше *о шагах*, способных привести к его осуществлению. Ибо у нас нет возможности конкретно представить себе социализм как состояние в деталях. Насколько важно теоретически верное понимание его основной структуры, настолько же верно и то, что важность этого понимания заключается прежде всего в том, что оно дает критерий правильности тех шагов, которые мы делаем в направлении к нему.

Конкретное понимание социализма — точно так же, как и он сам, — является продуктом борьбы, которая ведется за него; оно достигается только в борьбе за социализм, только в процессе и в итоге этой борьбы. И любая попытка прийти к пониманию социализма вне этого диалектического взаимодействия его с повседневными проблемами классовой борьбы делает из такого понимания метафизику, утопию, нечто чисто созерцательное, а не практическое.

Реализм Ленина, его «реальная политика» означает, следовательно, *окончательную ликвидацию всяческого утопизма*, означает конкретно содержательное выполнение программы Маркса — дать теорию, ставшую практичной, дать теорию практики. Ленин сделал с проблемой социализма то же, что он сделал с проблемой государства, — он вырвал ее из прежней метафизической изоляции, избавил от обуржуазивания и *включил во всеобщую взаимосвязь проблем классовой борьбы*. Он проверил на материале конкретной жизни исторического процесса те гениальные указания, которые дал Маркс в «Критике Готской программы» и других работах, сделал их с помощью этого материала более конкретными и наполненными, чем это было возможно во времена Маркса, — даже для такого гения, как Маркс.

Проблемы социализма являются, таким образом, проблемами экономической структуры и классовых отношений, существующих в тот момент, когда пролетариат берет в свои руки государственную власть. Они проистекают непосредственно из того положения, в котором пролетариат устанавливает свою диктатуру. Поэтому они не могут быть поняты и доведены до решения только исходя из этих проблем;

но в силу той же причины они содержат в себе по отношению к этой ситуации и всем предшествующим ситуациям нечто принципиально новое. Независимо от того, что все их элементы вырастают из прошлого, их связь с задачами сохранения и укрепления господства пролетариата порождает такие проблемы, которых не могло быть ни у Маркса, ни в других ранее возникших теориях и которые могут быть поняты и решены только исходя из этой существенно новой ситуации.

«Реальная политика» Ленина выступает тем самым, если обратиться к ее взаимосвязи и ее исходным основам, как высшая из достигнутых к настоящему времени вершин материалистической диалектики.

С одной стороны, строго марксистский, четкий и трезвый, но уходящий в самые глубины конкретности анализ существующего положения, экономической структуры и классовых отношений. С другой стороны, не искаженное никакой теоретической предвзятостью, никакими утопическими вожделениями ясновидение в отношении всех новых тенденций, вытекающих из этого положения. Но это кажущееся простым, а фактически проистекающее из самой сути материалистической диалектики требование (ибо диалектика и есть теория истории) отнюдь не легко выполнить на деле. Привычки мышления, созданные капитализмом, привили всем людям (и прежде всего тем, кто ориентируется на науку) склонность всегда и полностью объяснять новое из старого, а сегодняшнее исключительно из вчерашнего. (В этом смысле утопизм революционеров представляет собой попытку самих себя вытащить за уши из болота, одним прыжком перенестись в совершенно иной мир вместо того, чтобы с помощью диалектики понять диалектический процесс возникновения нового из старого.) «Поэтому-то, — говорит Ленин, — и государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом

обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла...»

С каким же конкретным, реальным окружением столкнулся пришедший к власти российский пролетариат в деле осуществления социализма? Во-первых, с относительно развитым и терпящим крах вследствие мировой войны монополистическим капитализмом в отсталой крестьянской стране, крестьянство которой могло освободиться от оков феодальных пережитков только во взаимосвязи с пролетарской революцией. Во-вторых, за пределами России — с враждебно настроенным капиталистическим окружением, готовым наброситься на родившееся государство рабочих и крестьян всеми имеющимися в его распоряжении средствами, окружением, которое было бы в состоянии подавить это государство и экономически, и в военном отношении, если бы оно само не раздиралось все обостряющимся действием собственных противоречий империалистического капитализма, что постоянно дает пролетариату возможность использовать в своих интересах это соперничество и тому подобные обстоятельства. (Разумеется, мы лишь обозначили два главных комплекса проблем, и на нескольких страницах совершенно невозможно исчерпывающе рассмотреть их.)

Материальной основой социализма как более высокой экономической формы, сменяющей капитализм, может быть лишь реорганизация промышленности, достижение более высокой ступени ее развития, ее приспособление к потребностям трудящихся классов, ее преобразование в духе новой жизни, обретающей все больший смысл (устранение противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и т. д.). Состояние этой материальной основы социализма обуславливает тем самым возможности и пути его конкретного осуществления. И здесь Ленин уже в 1917 году, до завоевания государственной власти, четко определяет экономическое положение и задачи, вытекающие из него для пролетариата. «Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополисти-

ческий капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму. Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких *промежуточных ступеней* нет». Следовательно, «...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку переставшая быть капиталистической монополией». И в начале 1918 года Ленин пишет: «...государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы примерно через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм».

Эти положения следовало привести особенно подробно в противовес буржуазной и социал-демократической легенде, утверждающей, будто бы Ленин после провала «доктринерски марксистской» попытки «разом» ввести коммунизм заключил, руководствуясь «реально-политической мудростью», некий компромисс и отошел от первоначальной линии своей политики. Историческая истина заключается в прямо противоположном. Так называемый военный коммунизм, который Ленин называл «временной мерой», обусловленной гражданской войной и разрухой, и который «не был и не мог быть политикой, отвечавшей хозяйственным задачам пролетариата», был отклонением от линии, по которой — согласно его теоретическому предвидению — происходит развитие в направлении к социализму. Конечно, это была обусловленная внутренней и внешней гражданской войной и, стало быть, неизбежная, но все-таки лишь временная мера. Но для революционного пролетариата, по Ленину, было бы роковым

неправильно оценить этот характер военного коммунизма и рассматривать его, подобно многим честным революционерам, не достигшим, однако, теоретической высоты Ленина, как действительный шаг в направлении к социализму.

Речь идет, следовательно, не о том, насколько резко выражен социалистический характер во внешних формах экономической жизни, а только о том, насколько пролетариату удастся *фактически* овладеть тем хозяйственным аппаратом, который он берет в свои руки вместе с завоеванием власти и который составляет одновременно основу его общественного бытия, то есть крупной промышленностью, и насколько ему удастся *фактически* поставить на службу своим классовым целям обладание этим аппаратом. Но как бы сильно ни изменились окружающие условия, в которых осуществляются эти классовые цели, и соответственно средства их осуществления, их всеобщая основа должна оставаться тем не менее той же: руководя постоянно колеблющимися средними слоями (особенно крестьянами), на решающем фронте, на фронте против буржуазии, продолжать вести классовую борьбу. И здесь никогда нельзя забывать о том, что, несмотря на первую победу, пролетариат все еще остается более слабым классом и будет оставаться таковым в течение длительного времени — до победы революции во всемирном масштабе. В экономическом отношении его борьба должна направляться, таким образом, в соответствии с двумя принципами: с одной стороны, насколько возможно, быстро и полно сдерживать развал крупной промышленности, вызванный мировой войной и гражданской войной, ибо без этой основы пролетариат погибает как класс; с другой стороны, так регулировать все проблемы производства и распределения, чтобы посредством максимально возможного удовлетворения материальных интересов крестьянства, которое стало союзником пролетариата в результате революционного решения аграрного вопроса, сохранить союз с ним. Средства осуществления этих целей меняются в зависимости от обстоятельств. Но постепенное претворение их в жизнь является единственным путем сохранения господства пролетариата — этой первой предпосылки социализма.

Все это означает, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом продолжается и на внутреннем хозяйственном фронте с неослабевающей напряженностью. Мелкое производство, ликвидация или «обобществление» которого на этой стадии есть чистый утопизм, «рождает капитализм и буржуазию непрерывно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Вопрос заключается в том, кто победит в этой конкурентной борьбе: вновь формирующаяся, вновь накапливающаяся буржуазия или находящаяся во владении пролетариата государственная крупная промышленность. Пролетариат должен пойти на риск этой борьбы, если он не хочет рисковать тем, что надолго разорвет союз с крестьянами, свернув мелкое производство, торговлю и прочее (что фактически осуществить и так было невозможно). Помимо того, буржуазия включается в эту борьбу в форме иностранного капитала, концессий и т.д. И здесь возникает парадоксальное положение, поскольку это включение, независимо от его намерений, объективно экономически может быть превращено в союзника пролетариата, так как посредством его укрепляется экономическая мощь крупной промышленности. Возникает «союз против элементов мелкого производства». При этом, разумеется, должно быть, с другой стороны, решительно подавлено естественное стремление концессионного капитала постепенно превратить пролетарское государство в капиталистическую колонию (условия концессий, монополия внешней торговли и т.д.).

Перед нашими скупыми замечаниями даже и не может быть поставлена задача хотя бы в самых грубых чертах обрисовать экономическую политику Ленина. Все сказанное здесь служит лишь примером для того, чтобы хоть сколько-нибудь четко выявить *принципы* политики Ленина, ее *теоретическую основу*. И принцип этот заключается в следующем: любой ценой сохранить господство пролетариата, окруженного миром открытых и тайных врагов и колеблющихся союзников. Точно так же, как до завоевания власти основной принцип его политики состоял в том, чтобы отыскать в водовороте скрещивающихся социальных тенденций гибнущего капи-

тализма те моменты, использование которых пролетариатом сделает его способным подняться до положения ведущего, господствующего класса общества. Этому принципа Ленин непоколебимо и без малейших уступок придерживался всю свою жизнь. Но он придерживался этого принципа — столь же непримиримо не идя ни на какие уступки — *как диалектического принципа*. В том смысле, что «принцип марксистской диалектики состоит в том, что все границы в природе и в истории условны и подвижны, что нет *ни единого* явления, которое при определенных условиях не могло бы превратиться в свою противоположность». Поэтому диалектика требует «всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии, а также объяснения внешних и кажущихся моментов основными, движущими силами — развитием производительных сил и классовой борьбой». Величие Ленина как диалектика состоит в том, что он ясно видел основные принципы диалектики, развитие производительных сил и классовую борьбу в постоянном соответствии с их самой глубокой внутренней сущностью, конкретно, без абстрактной предвзятости, но и без фетишистского искажения их поверхностными явлениями. В том, что он неизменно объяснял все явления, с которыми он сталкивался, исходя из их глубинной основы: *конкретных действий конкретных (т.е. классово обусловленных) людей на основе их реальных классовых интересов*. Именно в свете этого принципа распадается легенда о Ленине как «мудром реальном политике», как «мастере компромиссов», и перед нами предстает настоящий Ленин, последовательный создатель марксистской диалектики.

Определяя само понятие компромисса, нужно сразу же отметить любую попытку увидеть в нем такой смысл, будто речь может идти о каких-то увертках или уловках, о каких-то изощренных способах добиться непопозволенной выгоды. «Люди, — говорит Ленин, — которые понимают под политикой мелкие трюки, граничащие порой с обманом, должны получить с нашей стороны самый решительный отпор. *Классы нельзя обманывать*». Так что компромисс означает для Ленина не более и не менее, как следующее: реальные тенденции

развития классов (а также, к примеру, угнетенных народов), идущие при определенных обстоятельствах, на протяжении определенного времени, в определенных вопросах параллельно с жизненными интересами пролетариата, должны быть расценены в соответствии с этой целью — к выгоде *обоих*.

Конечно, компромиссы могут принимать также форму классовой борьбы с основным врагом рабочего класса — с буржуазией. (Достаточно вспомнить об отношениях Советской России с империалистическими государствами.) И теоретики оппортунизма цепляются за эту специфическую форму компромиссов частично для того, чтобы и здесь восхвалить или, наоборот, принизить Ленина как «недогматичного реального политика», а частично для того, чтобы найти в этом прикрытие для своих собственных компромиссов. На несостоятельность первого довода мы уже указывали, а говоря о втором, надо принять во внимание — как и в любом вопросе диалектики — ту тотальность, ту целостную картину, которая образует конкретную обстановку компромисса. И тут сразу же выясняется, что компромисс Ленина и компромисс оппортунистов *исходят из прямо противоположных* предпосылок. Социал-демократическая тактика намеренно или бессознательно основывается на том, что собственно революция еще очень далека, что объективных предпосылок социальной революции пока еще нет, что пролетариат идеологически еще не созрел для революции, а партия и профсоюзы еще слишком слабы и тому подобное; *и именно поэтому* пролетариат должен идти на компромиссы с буржуазией. Чем больше накопится субъективных и объективных предпосылок социальной революции, тем в более «чистом» виде пролетариат сможет осуществить свои классовые цели. И в результате на практике компромисс нередко имеет своей обратной стороной довольно крайний радикализм, ничем не запятнанную «чистоту» принципов в отношении «конечных целей». (Само собой разумеется, что в этой связи можно вообще принимать во внимание только те социал-демократические теории, которые еще хоть как-то пытаются придерживаться теории классовой борьбы. Ибо, согласно иным воззрениям, даже компромисс уже не ком-

промисс, а вполне естественное сотрудничество различных профессиональных слоев на благо некоей общности.)

В противоположность этому для Ленина *компромисс прямо и логично вытекает из актуальности революции*. Если основной характер целой эпохи заключается в актуальности революции; если эта революция может разразиться в любой момент как в каждой отдельной стране, так и в мировом масштабе, хотя сам этот момент никогда невозможно предвидеть с точностью; если революционный характер целой эпохи проявляется в постоянно нарастающем разложении буржуазного общества, неизбежным следствием чего является непрерывная смена и перекрещивание самых разнообразных тенденций, — то все это означает, что пролетариат может начать и осуществлять свою революцию не при им самим избранных, «благоприятных» обстоятельствах, что, соответственно этому, любая тенденция, пусть даже и преходящая, которая может способствовать революции или по меньшей мере ослабить ее врагов, должна быть при всех обстоятельствах использована пролетариатом. Мы приводили выше некоторые высказывания Ленина, из которых явствует, насколько ему (еще до завоевания власти) были чужды какие-либо иллюзии в отношении темпов построения социализма. Однако нижеследующие цитаты, взятые из одного из его последних сочинений, написанного уже после периода «компромиссов», с не меньшей четкостью свидетельствуют о том, что такое предвидение никогда не означало для него отсрочки революционного действия. «...Наполеон¹⁴ писал: «On's engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это означает: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп¹⁵ и т.п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу». Таким образом, ленинская теория и тактика компромиссов являются не чем иным, как предметно-логическим следствием марксистского, диалектического понимания истории, согласно

которому люди, хотя они и сами творят свою историю, не могут, однако, творить ее при обстоятельствах, избираемых ими самими. Она является следствием понимания того, что история постоянно производит нечто новое; что поэтому эти исторические моменты, кратковременные скрещивания тенденций никогда не повторяются в одной и той же форме; что с точки зрения революции должны быть сегодня оценены те тенденции развития, которые завтра могут создать для нее жизненную угрозу, и наоборот. Так, 1 сентября 1917 года Ленин обращается к меньшевикам и эсерам с предложением о совместных действиях на основе старого большевистского лозунга «Вся власть Советам!» с предложением компромисса. Но уже 16 сентября он пишет: «...пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли». Применение этой теории к таким вопросам, как Брестский мир, концессии и тому подобное, представляется очевидным.

Насколько вся ленинская теория компромиссов основывается на его коренном убеждении в актуальности революции, еще резче, пожалуй, свидетельствует его теоретическая борьба против левого крыла в его собственной партии (после первой революции и после Брестского мира — в масштабах России, а в 1920 и 1921 гг. — в европейском масштабе). Во всех этих дебатах *лозунгом левого социализма было принципиальное отрицание любого компромисса*. И ленинская политика направляется по существу против того, что в отрицании любых компромиссов заложено стремление *уклониться от решающих битв*, против того, что в основе такого взгляда лежит поражение в отношении революции. Ибо подлинная революционная ситуация — а, по Ленину, она составляет основную черту нашей эпохи — выражается в том, что нет и не может быть такого поля классовой борьбы, где не существовало бы революционных (или контрреволюционных) возможностей. Следовательно, настоящий революционер (тот, кто знает, что мы живем в революционную эпоху, и делает из этого понимания практические выводы) должен всегда рассматривать с этой

точки зрения целостную картину общественно-исторической действительности и в интересах революции решительно принимать во внимание все: самое значительное и самое незначительное, как привычное, так и ошеломляющее, всегда оценивая его с точки зрения, важной для революции, — и *только* с этой точки зрения. Когда Ленин назвал левый радикализм левым оппортунизмом, он очень верно и глубоко подметил *общую историческую перспективу* обоих этих столь противоположных в остальном течений, одно из которых отвергает любой компромисс, а другое усматривает в компромиссе принцип «реальной политики» в противовес «жесткому следованию догматическим принципам». То, что их объединяет, — это пессимизм в отношении близости и актуальности пролетарской революции. Уже из того, как Ленин отвергает обе эти тенденции, руководствуясь одним и тем же принципом, становится ясно, что компромисс у Ленина и компромисс у оппортунистов — *всего лишь одинаковые слова*, которые у каждого из них относятся к принципиально различной действительности и потому скрывают *принципиально различные понятия*.

Правильное понимание того, что имел в виду Ленин под компромиссом, как он теоретически обосновывал тактику компромиссов, имеет не только основополагающее значение для верного усвоения его метода, но и чрезвычайно важно в практическом отношении. По Ленину, *компромисс возможен лишь в диалектическом взаимодействии с соблюдением принципов и метода марксизма*; в компромиссе всегда выявляется ближайший реальный шаг в осуществлении теории марксизма. Точно так же, стало быть, как эта теория и тактика резко отличаются от механически косного соблюдения «чистых» принципов, они должны быть строго отделены и от всякой беспринципной схематизирующей «реальной политики». Это означает, что, по Ленину, недостаточно правильно понять и оценить *в их фактическом содержании* конкретную ситуацию, в которой происходит действие, конкретное соотношение сил, которое определяет компромисс, тенденции неизбежного последующего развития пролетарского движения, которые обуславливают его направ-

ление. Ленин считает *огромной практической опасностью* для рабочего движения, если подобное правильное понимание фактического содержания не введено в рамки всеобщего правильного понимания *исторического процесса в целом*. Так, он признал правильными практические действия немецких коммунистов в отношении планировавшегося после разгрома капповского путча «рабочего правительства», так называемую лояльную оппозицию, но в то же время самым резким образом осуждал их за то, что эта правильная тактика обосновывалась теоретически ложной — пронизанной демократическими иллюзиями — исторической перспективой.

Диалектически верное соединение общего и особенного, распознавание общего (т.е. общей основной тенденции истории) в особенном (т.е. конкретной ситуации), проистекающая отсюда конкретизация теории является, таким образом, основной идеей этой теории компромиссов. Те, кто усматривает в Ленине всего лишь мудрого или даже гениального «реального политика», совершенно не понимают самого существа его метода. Но те, кто рассчитывает найти в его решениях повсеместно применимые «рецепты» и «предписания» правильных действий, точно так же не понимают его. Ленин никогда не устанавливал «всеобщих правил», «пригодных для применения» в самых различных случаях. Его «истины» вырастают из конкретного анализа конкретной ситуации, проведенного посредством диалектического рассмотрения истории. Из механического «обобщения» его указаний или решений может получиться только карикатура, некий вульгарный ленинизм (как это получилось, например, у тех венгерских коммунистов, которые пытались схематично подражать действиям Ленина в связи с Брестским миром, находясь в совершенно иной ситуации, — в связи с ответом на ноту Клемансо летом 1919 года). Ибо, как писал Маркс, резко порицая Лассаля за ложное применение диалектического метода, «Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы “случаев” under a general principle (под общий принцип)».

Учет всех тенденций, имеющих в той или иной конкретной ситуации, вовсе не означает, однако, что эти тенден-

ции с одинаковой тяжестью лягут на чашу весов, определяющих решение. Напротив. *В каждой ситуации существует центральная проблема*, от решения которой зависят как прочие вопросы, встающие одновременно с ней, так и дальнейшее развитие всех общественных тенденций в будущем. «Нужно уметь, — говорит Ленин, — ухватить в каждый момент то особенное звено цепи, за которое нужно уцепиться всеми силами, чтобы удержать всю цепь и подготовить надежный переход к следующему звену цепи, причем последовательность звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и бессмысленны, как в обычной цепи, изготовленной кузнецом». Какой именно момент общественной жизни приобретает в данное время подобное значение, может выясниться только посредством марксистской диалектики, посредством конкретного анализа конкретной ситуации. А путеводной нитью, с помощью которой оно может быть найдено, является революционный взгляд на общество *как на находящееся в процессе движения* целое. Ибо только такое отношение к целому придает это значение тому или иному решающему звену цепи: нужно ухватиться за него, потому что только таким образом будет схвачено *целое*. И Ленин с особой резкостью и конкретностью поднимает эту проблему опять-таки в одной из своих последних работ, где он говорит о кооперации и указывает на то, что «многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неприкрашенной действительностью». Он пишет: «Собственно говоря, нам осталось “*только*” одно: сделать наше население настолько “цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. “*Только*” это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это “*только*”, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы». К сожалению, здесь невозможно подробно проанализировать всю эту работу. Подобный анализ — как и анализ любого тактического указания Ленина — показал бы, как в каждом таком «звене це-

пи» содержится целое. Показал бы, что критерий правильной марксистской политики состоит в том, чтобы всегда выделять из процесса те моменты — и сосредоточивать на них максимум энергии, — которые в данный отрезок времени, в данной фазе заключают в себе это отношение к целому, к целостной картине современности и к центральной проблеме развития будущего, то есть и к будущему в его практически охватываемой целостности. Такой энергичный захват следующего решающего звена цепи отнюдь не означает, конечно, будто этот момент вырывается из целостной картины, а другие моменты, в свою очередь, остаются вне поля зрения. Напротив. Это означает, что *все прочие моменты, поставленные в связь с этой центральной проблемой*, найдут в ней, в этой связи, свое правильное понимание и решение. Взаимосвязь всех проблем друг с другом не только не разрывается при таком подходе, но, напротив, делается еще прочнее и конкретнее. Исторический процесс, развитие производительных сил — вот что выделяет в этом ряду те или иные моменты. Но от самого пролетариата зависит, будет ли он способен и в какой мере он будет способен понять и охватить их и тем самым *воздействовать на их дальнейшее развитие*. Основополагающее (уже неоднократно приведенное выше) положение марксизма о том, что люди сами творят свою историю, приобретает в эпоху революции, после завоевания государственной власти постоянно возрастающее значение (хотя это, конечно, никак не умаляет его диалектического дополнения — значения независимых от воли людей обстоятельств). Это означает практически, что *роль партии в революции* — великая идея молодого Ленина — *становится еще больше и еще более решающей* в эпоху перехода к социализму, чем она была в подготовительную к нему эпоху. Ибо чем больше активное, определяющее ход истории влияние пролетариата, чем больше его решения определяют судьбы — и в хорошем и в плохом смысле — его самого и всего человечества, тем важнее сохранить в чистоте и исправности единственный компас в этом бурном, бушующем море — *классовое сознание пролетариата*; тем важнее воспитывать все возрастающую ясность этого духа,

этого единственно возможного руководителя в борьбе. Такое понимание значения активной исторической роли партии пролетариата составляет коренную черту теории, а потому и политики Ленина, на которую он не устает вновь и вновь обращать внимание и подчеркивать ее значение для практических решений. Так, на XI съезде РКП(б)¹⁶, критикуя противников государственнокапиталистического развития, он говорит: «Государственный капитализм — это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и который мы не умеем до сих пор поставить... И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм».

Поэтому каждый поворотный пункт в развитии к социализму всегда и притом в решающем смысле составляет *внутреннюю проблему партии*. Означает необходимость перегруппировки сил, приспособления партийных организаций к но вой задаче — *воздействовать* на развитие общества в том духе, который диктуется тщательным и точным анализом целостной картины с классово́й точки зрения пролетариат. Поэтому в иерархии решающих сил государства — *которым являемся мы сами* — партия находится на самой высшей ступени. Но поэтому сама эта партия (поскольку революции может победить лишь во всемирном масштабе, поскольку пролетариат может действительно конституироваться как класс лишь как всемирный пролетариат) включена и подчинена в качестве секции высшему органу пролетарской революции — Коммунистическому Интернационалу. Механистически жесткое мышление, присущее всем представителям оппортунистической и буржуазной идеологии, всегда будет видеть в подобных взаимосвязях неразрешимые противоречия. Они не в силах понять, почему большевики, после того как они «вернулись к капитализму», сохранили тем не менее прежнюю партийную структуру и прежнюю «недемократическую» диктатуру партии. Они не в силах понять, почему Коммунистический Интернационал ни на миг не отказывается от мировой революции и, напротив, всеми доступными ему средствами стремится ее подготовить и организовать, а государство российского пролетариата пытается

одновременно наладить мир в отношениях с империалистическими державами и способствовать максимально возможному участию империалистического капитализма в экономическом развитии России. Они не в силах понять, почему партия неколебимо сохраняет свою внутреннюю строгость и самым решительным образом укрепляется в идейном и организационном отношении, в то время как экономическая политика Советской республики скрупулезно следит за тем, чтобы не нарушился союз с крестьянами, которому она обязана своим существованием, в то время как в глазах оппортунистов Советская республика все больше превращается в крестьянское государство, все больше утрачивает свой пролетарский характер и т. д. и т. п. Механически жесткое недиалектическое мышление неспособно усвоить того, что *эти противоречия являются объективно существующими противоречиями современной эпохи; что политика РКП(б), политика Ленина противоречива лишь постольку, поскольку она ищет и находит диалектически правильные ответы на объективные противоречия ее собственного общественного бытия.*

Так анализ политики Ленина неизменно возвращает нас к коренным вопросам диалектического метода. Вся его деятельность представляет собой последовательное применение марксистской диалектики к непрерывно меняющимся явлениям грандиозной переходной эпохи, постоянно рождающим новое. Но поскольку диалектика это не готовая теория, которую можно механически прикладывать к явлениям жизни, поскольку она *существует как теория только в этом применении и посредством этого применения*, диалектический метод вышел из практики Ленина расширенным, более полным по содержанию и *более развитым теоретически*, чем Ленин воспринял его из наследия Маркса и Энгельса.

Вот почему совершенно справедливо говорить о *ленинизме как новой фазе в развитии материалистической диалектики*. Ленин не только восстановил чистоту марксистского учения после всех упрощений и искажений, к которым в течение десятилетий приводил вульгарный марксизм, но и осуществил дальнейшее развитие самого метода марксизма, конкре-

тизировал его и сделал его более зрелым. Если же перед коммунистами встает задача идти вперед по пути ленинизма, то это продвижение может оказаться плодотворным лишь в том случае, если они отнесутся к Ленину так, как сам Ленин отнесся к Марксу. Характер и содержание этого отношения определяется развитием общества, теми проблемами и задачами, которые исторический процесс ставит перед марксизмом, достигнутым уровнем пролетарского классового сознания в руководящей партии пролетариата. Ленинизм означает, что теория исторического материализма еще больше сблизилась с повседневной борьбой пролетариата, стала еще практичнее, чем она могла быть во времена Маркса. Поэтому традиция ленинизма может заключаться лишь в том, чтобы, оберегая его от всех искажений и извращений, сохранить эту живую и животворную, эту растущую и способствующую росту функцию исторического материализма. Поэтому, повторяем мы, коммунисты должны так изучать Ленина, как Ленин изучал Маркса. Изучать так, чтобы уметь пользоваться диалектическим методом, чтобы научиться находить с помощью конкретного анализа конкретной ситуации особенное в общем и общее в особенном; в новом моменте каждой ситуации — то, что связывает его с предыдущим процессом, и в закономерности исторического процесса — постоянно возникающее новое; в целом — часть и в части — целое; в неизбежности развития — момент активного действия, а в конкретном действии — связь с закономерностью исторического процесса. Ленинизм означает небывалую прежде ступень конкретного, не схематичного, не механического, непосредственно устремленного к практике мышления. Сохранить *это* и есть задача ленинцев. Но в историческом процессе может сохраниться лишь то, что живет и развивается. И *такое* сохранение традиции ленинизма составляет сегодня первостепенную задачу каждого, кто всерьез принимает диалектический метод как оружие в классовой борьбе пролетариата.

